

Аннотация:

Июль 1915 года. Продолжается Великое отступление русских армий. В прифронтовой полосе при загадочных обстоятельствах убит неграмотный крестьянин, рядом с которым находят полусгоревшие письма. Речь в них идёт о событиях почти тысячелетней давности, событиях, которые никак не могут быть причиной преступления — о месте рождения князя Владимира, будущего Крестителя Руси...

Эд Данилюк

ВВО

Исторический детектив

Любое совпадение персонажей с реальными лицами является случайным. Трактовка исторических событий, а также явлений и концепций может не совпадать с общепринятой. Поступки и высказывания персонажей соответствуют их эпохе и образам, и не всегда отражают точку зрения автора.

От автора. Вступительная историческая справка.

На протяжении ста двадцати лет, с разделов Речи Посполитой в конце XVIII века, граница между Россией и Австро-Венгрией проходила всего в тридцати пяти вёрстах на юг от Владимира-Волынского, практически там же, где сейчас смыкаются Волынская и Львовская области Украины.

Неудивительно, что первая попытка захвата города была предпринята уже 3 августа 1914 года ¹, через 10 дней после того, как империя Габсбургов объявила войну империи Романовых. Вторая австрийская кавалерийская дивизия, поддержанная двумя батальонами пехоты и двумя артиллерийскими батареями, перешла границу и в конном строю несколько раз атаковала позиции 68-го лейб-пехотного Бородинского императора Александра III полка. Под огнём пехотинцев конники были вынуждены отойти к близлежащему селению Зимно. Снаряды повредили пять жилых домов, железнодорожную станцию и около десятка хозяйственных строений. То были первые в этой войне и, как оказалось позже, самые незначительные потери города.

Через день, 5 августа, началась Галицийская битва, наступление русской армии вглубь Австро-Венгрии, и Вене стало не до Володимира ².

Двадцать первого августа 1914 года части под командованием генерала от инфантерии Рузского взяли Львов. Впервые в своей семисотлетней истории главный город Галичины оказался под правлением русских.

Двадцать второго августа генерал от кавалерии Брусилов вошёл в Галич.

К 8 сентября были захвачены практически вся Галичина и земли далее на юг, Буковина с городом Черновцы.

Владимир-Волынский теперь находился в глубоком тылу, на расстоянии трёхсот вёрст от линии фронта и на юг, и на запад.

В дни Галицийской битвы впервые приняли участие в войне Польские легионы под предводительством Юзефа Пилсудского. Его национальный полк в составе австро-венгерской армии тогда располагался на линии Новый Корчин – Опатовец. Уже в декабре этот полк превратился в бригаду.

Следующий, 1915 год, оказался удачным уже для германо-австрийских сил. Осознав, что Австро-Венгрия в военном отношении слабее Российской империи, на помощь союзнице пришли немцы. Они перебросили с Западного фронта на Восточный треть всех своих войск. Кроме того, армии Антанты в основном израсходовали довоенные запасы снарядов, и начало сказываться преимущество центральных держав в снабжении войск. Германцы применили новую, доселе в таких масштабах невиданную, но немедленно доказавшую свою эффективность тактику — концентрацию значительных сил на маленьком участке фронта в сочетании с неожиданностью наступления. Говорят, не в последнюю очередь неудачи русской армии были также связаны и с попытками захвата Перемышля ³. Командование предпочло на протяжении шести месяцев осаждать неприступную крепость вместо того, чтобы окончательно разгромить армию Габсбургов. Перемышль 9 марта 1915 года всё же сдался, было взято в плен почти сто двадцать тысяч австрийцев и захвачено более девяти сот орудий, но военная инициатива к тому времени полностью перешла к Германии.

В феврале германо-австрийские армии начали Карпатскую операцию и к концу марта отвоевали Буковину.

¹ Все даты указываются по старому стилю, то есть на 13 дней раньше, чем это принято в современном календаре.

² Володимир (здесь) — г. Владимир-Волынский, Украина.

³ Перемышль — современный г. Пшемысль, Польша.

Несмотря на потерю целой области, ощущения приближающейся катастрофы в Петрограде не было. В конце концов, только что был взят неприступный Перемышль! Двадцать седьмого марта русский император Николай II прибыл во Львов. Государь поселился в том же дворце и даже спал на той же кровати, что и его австрийский противник Франц-Иосиф, когда бывал здесь. Уезжая спустя четыре дня, царь наградил своего дядю, Верховного Главнокомандующего всеми сухопутными и морскими силами Российской Империи Великого князя Николая Николаевича усыпанной бриллиантами саблей. Как гласил рескрипт, за завоевание Червонной Руси ⁴ и продолжающиеся усилия по отторжению подъяремной Руси ⁵.

Спустя две недели германо-австрийские войска под командованием генерала фон Макензена начали наступление в Галичине и 22 апреля 1915 года невероятно концентрированным ударом прорвали русскую оборону в районе Горлиц ⁶, положив начало тому, что вошло в историю как Великое отступление. Царская армия безостановочно откатывались на восток, оставляя противнику всё больше территорий.

Тогда же на горе Маковке в Карпатах вступили в свой первый крупный бой Украинские сечевые стрельцы, добровольческое военное формирование, созданное в августе 1914 года Главной украинской радой для участия в войне на стороне Австро-Венгрии.

Острая нехватка боеприпасов сказывалась не только в русских войсках. Первыми на неё отреагировали британцы. Девятого мая разгорелся «Снарядный кризис». Однопартийный либеральный кабинет пал. Премьер-министр Асквит сформировал новое правительство, на этот раз коалиционное. Контроль над военной промышленностью перешёл к Ллойд Джорджу, который занял вновь образованный пост министра вооружений. Вскоре был введён жёсткий государственный контроль над частными производителями оружия, который газетчики иногда называли «крепостным правом».

В России нечто подобное произойдёт спустя месяц — генерал от кавалерии Сухомлинов за провалы в снабжении войск будет заменён на посту военного министра на генерала от инфантерии Поливанова, ставшего известным, в основном, в качестве главного редактора «Русского инвалида». Столь радикальных мер, как в Британии, однако, предпринято не будет, и «снарядный голод» останется бедой русской армии на протяжении всего 1915 года.

Третьего июня армии фон Макензена вошли в Перемышль. Крепость сковывала русскую армию с сентября по март, была в конце концов взята, но Россия владела ею лишь три месяца.

Восьмого июня германо-австрийские войска заняли Рава Русскую и Жолков ⁷.

Царская армия отступала, забирая с собой гражданское население, уничтожая дворы и панские усадьбы, сжигая сёла. Ставка надеялась этим создать атмосферу 1812 года, но результат оказался противоположным. Вместо патриотического подъёма бесконечные вереницы отчаявшихся людей на всех дорогах как прифронтовых, так и многих глубинных губерний вызывали лишь ощущение неизбежного краха. Четыре миллиона женщин, детей и стариков, голодных, больных, ожидающих от завтрашнего дня только самого худшего, шли по всему протяжению фронта на восток. Сотни тысяч умерли. Именно эта эвакуация превратила неудачи армии в народное бедствие.

Владимир-Волынский заполнился беженцами и принудительно вывезенными.

Девятого июня произошло одно из знаковых событий Великого отступления — воинские части центральных держав вошли во Львов. Закончились первые в истории города месяцы

⁴ Червонная Русь — употреблявшееся в Польше в XV-XVIII вв. название территорий, приблизительно соответствующих Галичине.

⁵ Подъяремная Русь (здесь) — приблизительно соответствует Закарпатской области Украины.

⁶ Горлицы — современный г. Горлице, Польша.

⁷ Жолков — современный г. Жолква, Украина.

русского правления. В следующий раз оно вернётся сюда через четверть века и продлится суммарно сорок девять лет.

Накануне, подчёркивая значимость происходящего, в штабе армий фон Макензена появился немецкий кайзер Вильгельм II.

Говорят, в те дни из всех германо-австрийских войск, воевавших на Русском фронте, на всём его протяжении от Балтики до Чёрного моря, половина была сосредоточена на участке длиной менее ста вёрст, в районе Львова.

Перед отходом русские власти принуждали к эвакуации всех мужчин от восемнадцати до пятидесяти лет. Были вывезены зерно, нефть и медь, а также собрания музеев и картинных галерей. Подпалили многочисленные заводы, перерабатывавшие нефть из близлежащих промыслов Борислава, и сгорели не только они, но и западные кварталы города.

Вторая австрийская армия, которая заняла город, отмечала, что русские за десять месяцев никак не подготовили неофициальную столицу Галичины к обороне. Возможно, Ставка верила, что защищать Львов никогда не придётся. Возможно также, что она просто не надеялась удержать город.

В Берлине и Вене звонили колокола всех храмов. Дома украсили цветами и флагами. Австрийский император выступил с балкона Шёнбрунна перед собравшейся у дворца толпой.

Австро-венгерская администрация Львова немедленно сняла русский запрет на печать книг и газет на украинском языке, а также употребление этого языка на публично вывешиваемых плакатах, афишах и вывесках, в письмах и телеграммах. Выяснилось, что остававшийся в городе в течение всего русского правления дряхлеющий Иван Франко продолжал писать, пусть и «в стол», в основном сконцентрировавшись на поэтических переводах. Вновь открылись украинские банки, коммерческие и общественные объединения. В полном объёме, хоть и без вывезенного русскими властями в Курск митрополита Шептицкого, возобновилась деятельность униатской церкви.

Изменилась и жизнь евреев. Они опять могли получать любое образование, заниматься любым видом деятельности и селиться, где заблагорассудится. Они вновь стали полноценными гражданами, такими же, как и все остальные. Интересно, что Петроград такого статуса евреям даже не обещал. Обещал он, однако, другое — накануне падения Львова Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич издал приказ ко всем солдатам-евреям, в котором посулил, что после войны иудеи смогут жить все вместе и совершенно свободно в Палестине.

В день, когда русские войска покинули главный город Галичины, главнокомандующий Северно-Западным фронтом Российской империи генерал от инфантерии Алексеев, под началом которого находилась воинская мощь, вдвое превосходящая силы Англии и Франции, заявил иностранным газетчикам, что его страна может пережить практически любые территориальные потери и должна крушить неприятеля, пока тот не истощится. После этого русские перейдут в наступление.

Участовавшие в обороне Львова на стороне России японские майор Накаима и капитан Гасгимото на окраине города совершили харакири.

Германо-австрийские войска вышли к довоенной границе с Россией, в целом вернув территории, потерянные в 1914 году. Теперь главный театр военных действий предсказуемо сместился в Польшу.

Судьба Владимира-Волынского, находившегося между Волынской губернией и входившими в Царство Польское Люблинской и Холмской губерниями, полностью зависела от того, что случится с бывшей Речью Посполитой.

Фон Макензен, теперь уже генерал-фельдмаршал Германской империи, повёл свои войска на север, на Брестскую крепость, тем самым отрезая Польшу от России. На своём пути он неизбежно должен был пройти через Володимир. Русские, однако, уже сформировали мощную

оборону в районе Люблина — Холма⁸ — Грубешова⁹. Эти войска надёжно защищали не только путь на север, но и, в частности, Владимир-Волынский, и жители города продолжали читать вести с фронта по-обывательски спокойно, не воспринимая их как часть своей собственной судьбы. Это далеко! Немцы до нас никогда не дойдут! Вот если они окажутся у Холма или Грубешова! Или, ещё хуже, возьмут их! Но как это может случиться?

Поход фон Макензена, хоть и ставил своей целью окружение русских войск в Польше, был, однако, лишь второстепенной угрозой для Конгрессовой¹⁰ Польши. Основным театром военных действий должна была стать Варшава.

Из германской провинции Позен¹¹ она была ближе всего. Линия фронта здесь не менялась с февраля — немцы стояли всего в сорока пяти вёрстах от Варшавы на запад и север, но город прикрывала самая мощная из русских крепостей — Новогеоргиевск¹².

Следовало ожидать удара с юга, из Королевства Галиция и Лодомерия¹³, где центральные державы сосредоточили в своё время, для Горлицкого прорыва, невиданное количество войск. Главной защитой столицы Польши на этом направлении была крепость Ивангород¹⁴.

На севере, от реки Неман до самого Балтийского моря, находились войска генерал-фельдмаршала фон Гинденбурга. Совсем недавно они оккупировали практически всю Курляндию¹⁵ и теперь двигались на Ригу, однако в любой момент могли повернуть на юг и ударить на Варшаву.

Пятнадцатого июня царская армия оставила Бурштин и Рогатин, шестнадцатого — Великие Мосты, Нароль и Томашов¹⁶.

Семнадцатого июня фон Макензен отбросил русскую группу генерала Олохова к Грубешову. Всего через неделю после падения Львова фронт неожиданно оказался в тридцати двух вёрстах на запад от Володимира. Для немецкого фельдмаршала, однако, это направление не было главным, и дальнейшего развития наступление его XI армии не получило.

Восемнадцатого июня немцы заняли Замостье¹⁷.

Двадцать первого германо-австрийские армии захватили Красник, открыв для себя дорогу на Люблин.

Предвидя сходящиеся удары армий Тройственного Союза на Варшаву с севера и юга, русское командование потребовало от Ставки снять задачу непременно удержать Варшаву. Столица Царства Польского больше не считалась самоценной сама по себе. Теперь это была

⁸ Холм — современный г. Хелм, Польша.

⁹ Грубешов — современный г. Хрубешув, Польша.

¹⁰ Конгрессовая Польша — синоним Царства Польского. Название отсылает к тому факту, что после наполеоновских войн границы Царства были окончательно закреплены Венским конгрессом 1814-1815 гг.

¹¹ Провинция Позен — польские земли в составе Германской империи. «Позен» происходит от «Познань».

¹² Новогеоргиевская крепость — современный г. Новы-Двур-Мазовецки, Польша.

¹³ Королевство Галиция и Лодомерия (полное название «Королевство Галиция и Лодомерия, и Великое княжество Краковское с Княжеством Освенцим и Княжеством Затор») — украинские и польские территории в составе Австро-Венгрии. Слово «Лодомерия» означает «Владимир-Волынский» (предположительное название города до переименования его в 988 г. во Владимир князем Владимиром Святтым). Вена «по праву наследования» предъявляла претензии на земли королевства Руси, государства, существовавшего в XIII-XIV вв., столицей которого был нынешний г. Владимир-Волынский.

¹⁴ Ивангород — современный г. Демблин, Польша.

¹⁵ Курляндия — одна из трёх прибалтийских губерний Российской империи наряду с Лифляндией и Эстляндией. Губернским городом Курляндии была Митава (ныне г. Елгава, Латвия), Лифляндии — Рига, Эстляндии — Ревель (ныне Таллинн, Эстония). В настоящее время большая часть территорий Курляндии находится в составе Латвии. Остальные части вошли в состав Беларуси и прибрежных районов Литвы.

¹⁶ Томашов — современный г. Томашув-Любельский, Польша.

¹⁷ Замостье — современный г. Замосць, Польша.

просто укреплённая позиция. Так же переменялось отношение и к крепостям Осовец и Ивангород. Фактически это означало решение сдать Польшу.

Двадцать второго июня царская армия, оставляя за собой пожарища и принуждая местное население к эвакуации, ушла из Крылова¹⁸. Это двадцать пять вёрст по прямой до Владимира-Волынского. Из-за болотистой местности и разделявшей города реки Западный Буг дорога на Володимир, однако, составляла сорок пять вёрст и пролегла через яростно защищаемый русскими Грубешов.

В тот же день немцы с аэропланов разбросали над Варшавой листовки, в которых предсказывали захват столицы Царства Польского ещё до конца июля. Мирные жители сами, без приказа властей, стали покидать город, в основном, рассеиваясь по близлежащим сёлам.

К 23 июня австрийский генерал фон Бём-Эрмоли, то ли подчинённый фон Макензена, то ли находящийся с ним «во взаимодействии», занял весь польский берег Западного Буга.

Двадцать восьмого июня фон Макензен издал внутренний приказ для высших офицеров своих армий, в котором заявил, что захват Галичины — это первая часть драмы, финал которой разыграется при взятии Киева. Генерал-фельдмаршал предположил, что на это понадобится от пяти до десяти месяцев. Вряд ли этот приказ вызвал большой энтузиазм в войсках — всего месяц назад кайзер обещал, что Россия сдастся после падения Польши.

Тридцатого июня части фон Бём-Эрмоли вошли в Деревляны, а фон Макензена — в Грабовец.

Газеты живописали недостаток снарядов в царской армии — на направлении удара фон Гинденбурга по окопам 2-й и 11-й Сибирских дивизий в тот день было выпущено два миллиона снарядов, русские смогли сделать только пятьдесят тысяч артиллерийских выстрелов в ответ.

В прессу также просочились сообщения о предложениях Австро-Венгрии королевству Румыния. За сохранение нейтралитета до конца войны Габсбурги посулили Гогенцоллернам-Зигмарингенам Буковину по реку Серет, а за выступление на стороне Тройственного Союза — ещё и Черновцы, а в придачу — Бессарабию. Те же газеты напоминали, что за вступление королевства в войну на стороне Антанты Россия обещала отдать Румынии Буковину с Черновцами и часть Венгрии, но не Бессарабию. После этих сообщений русские начали усиленно копать вдоль румынской границы рвы и траншеи.

Второго июля стало известно, что из-за эпидемии холеры из Львова вышли все воинские части. В городе было зарегистрировано сто двадцать больных. Кроме того, в Галиции обнаружили четыреста девятнадцать случаев чёрной оспы. По всему краю начался голод — сначала царские войска провели эвакуацию «как в 1812 году», а затем уже австрийцы забрали остатки урожая для своей армии. Кто мог, в поисках еды бежал из разорённого края — в глубину Австро-Венгрии или на русскую сторону.

В тот же день немцы вошли в Прасныш¹⁹ севернее Варшавы.

Третьего июля началось новое наступление германо-австрийских армий. Пока фельдмаршал фон Макензен атаковал Красновостав, Бугская и I австро-венгерская армии обрушились на русскую 13-ю. Завязалось новое сражение под Грубешовом. Несколько частей прорвались через русскую оборону и форсировали Западный Буг к северу от Сокаля, между Конотопами и Скоморохами, в сорока вёрстах южнее Володимира.

Впервые с неудачного короткого рейда на город в самом начале войны австрийцы пересекли линию, которую горожане всё ещё воспринимали как границу между двумя державами. Войска Австро-Венгрии оказались на землях Волынской губернии.

¹⁸ Крылов — современное с. Крылув, Польша.

¹⁹ Прасныш — современный г. Пшасныш, Польша.

Переправившиеся на восточный берег части генерала фон Кирхбаха немедленно двинулись на Владимир-Волынский. Русская 13-я армия под командованием генерала от инфантерии Горбатовского в течение двух дней сдерживала их наступление, а пятого июля встречным ударом отбросила обратно за Буг.

Четвёртого июля часть угрожавших Риге войск фон Гинденбурга вдруг повернула прочь от Балтийского моря и двинулись на Новогеоргиевскую крепость. Сходящийся удар на столицу Польши с юга и севера стал реальностью.

Пятого июля фон Макензен взял Красностав²⁰ и вышел к железнодорожной ветке на Холм, принципиально важной для снабжения войск, защищавших Варшаву.

По чистому совпадению именно в этот день, именно тогда, когда откладывать дальше уже никак было нельзя, пришло высочайшее разрешение начинать эвакуацию Варшавы. Вскоре все дороги и все железнодорожные пути, ведущие на восток, будут забиты, станет не хватать подвижного состава и элементарных телег, опустеют варшавские дворцы, музеи, шляхетские архивы Речи Посполитой, город покинут тысячи человек — и не только чиновники или выходцы из России, но и сторонники русского господства в Польше, так называемые вшеполяки.

Седьмого июля германские войска оказались уже в двадцати вёрстах от Варшавы и получили возможность артиллерийского обстрела фортов столицы Царства Польского. Русская армия начала уничтожать мосты и опустевшие сёла. Остатки неубранного урожая на полях вокруг города сжигались. Весь скот был отогнан далеко в тыл. Ожидалось, что вскоре начнётся целенаправленное разрушение государственных зданий и храмов.

Немцы взяли крепость Остроленка на север от Варшавы и город Радом к югу. Железнодорожное сообщение между Холмом и Люблином, а значит и подвоз по этой ветке войск и припасов в Варшаву и Ивангород, было прервано.

В восточной Галичине царская армия, предварительно спалив город, ушла из Буска.

В тот же день в населённых пунктах Люблинской, Холмской и Волынской губерний, находившихся на направлении удара армий фон Макензена, объявили об эвакуации. Мирному населению предстояло покинуть, среди прочих, и Владимир-Волынский. ВВО или Великое Володимирское отступление, как выразился один из тогдашних газетчиков, маленький эпизод русских поражений 1915 года, стало для жителей города их собственной трагедией.

Восьмого июля, отодвигаясь вместе с линией фронта, перебазировался во Владимир-Волынский 23 корпусной авиационный отряд, тот самый, что был, несмотря на свой номер, сформирован в Российской империи первым. Шесть аэропланов отряда — все фирмы «Дюпер» — настолько износились, что едва набирали высоту восемьсот-тысячу метров. Их моторы то и дело глохли прямо в полёте. На пробном броске из Володимира в тыловой Ковель, на расстояние всего сорок вёрст, отряд дважды совершал вынужденные посадки и до своей цели так и не добрался.

Девятого июля к австрийцам перешёл Добротвор.

Русское командование, армия, гражданское население были совершенно деморализованы. Целые сутки во всех церквях России звонили колокола и шла служба за дарование победы над врагом. Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич в специальном приказе призвал солдат к храбрости.

Десятого июля к северу от Варшавы разгорелись ожесточённые бои по всему фронту протяжённостью сто сорок вёрст, от Осовца до Новогеоргиевска.

Газеты подсчитали, что фон Макензену для поддержания своих войск нужно ежедневно подвозить на передовую, кроме собственно боеприпасов, три с половиной тысяч тонн обеспечений. Сколь бы блестяще генерал-фельдмаршал не использовал время при подготовке

²⁰ Красностав — современный г. Красныстав, Польша.

наступления на Красноводск, его припасы уже должны были подходить к концу. Не говоря уж о том, что их подвозка из складов к передовой требовала при всех превратностях войны не менее семисот исправных моторизованных грузовых автомобилей. И это при единственной хорошей дороге! В таких условиях фон Макензен должен был либо чрезвычайно быстро войти в Люблин и Холм и воспользоваться их железнодорожной сетью, либо отступить.

Одиннадцатого июля министр внутренних дел Австро-Венгрии дал разрешение на возвращение домой, в Галичину, сорока тысяч человек, которые в августе-сентябре 1914 года бежали от наступающей русской армии в Австрию.

Двенадцатого июля австрийцы захватили Травники и Раевец²¹, расположенные на железнодорожном перегоне между Холмом и Люблином. Русские оставили защищавшие Варшаву крепости Пултуск и Рожан²².

Четырнадцатого июля, уже в третий раз, завязались яростные бои в районе Грубешова. Город оказался в «подкове» — сражения шли не только к югу и западу от него, но и к северу, где за один только этот день фон Макензен занял одиннадцать населённых пунктов. При этом на фронте между Владимиром-Волынским и Красником рвущиеся к Люблину германо-австрийские войска применили артиллерийские снаряды, распространявшие при разрыве удушливый газ. Это известие вызвало среди оставшихся в Володимире жителей новую волну паники.

Газеты рассказали о новых способах борьбы с химическим оружием — нужно броситься навстречу ядовитому облаку и стремительно его пересечь, прижимая к носу и рту влажные тряпки. Иным изобретением была широкая и неглубокая траншея. Её предлагалось заполнить хворостом, полить керосином и при приближении облака поджечь. При горении раскалённый воздух поднимается вверх, унося с собой и ядовитый газ.

В тот же день части генерала фон Бём-Эрмоли взяли приступом Сокаль, железнодорожный узел в сорока пяти вёрстах к югу от Володимира. На фоне известий о боях под Грубешовом и применении химического оружия это событие осталось в городе почти незамеченным.

Сокаль, однако, напомнил о себе уже на следующий день. К северу от него, а значит ещё ближе к Владимиру-Волынскому, пятнадцатого июля завязались яростные бои.

Немецкие войска продвинулись от Остроленки к Варшаве и в боях захватили Говорово.

Русская газета «Речь» в преддверии ожидаемых плохих вестей с фронта написала, что наиразумнейшей вещью было бы избегать каких-либо битв и отступить на подготовленную линию обороны, даже если при этом и пришлось бы отдать обширные области империи. «Биржевые ведомости» заявили, что есть смысл вывести русскую армию из-под страшнейшего артиллерийского обстрела, оставив позиции вдоль рек Нарва и Висла. Россия при её обширных территориях может себе позволить временно отдать часть Польши, а ожесточённое сопротивление под Варшавой необходимо лишь союзникам — оно не позволяет врагу перебросить войска на Западный фронт и совершить прорыв к Кале.

Немецкие же газеты сообщали, что германская армия ежедневно наблюдает во весь горизонт зарево от подожжённых русскими селений.

В Российской империи военнопленным запретили вести почтовую переписку. В ответ на это схожее ограничение уже на следующий день ввели для пленных русских центральные державы.

Шестнадцатого июля газетчики отметили, что артиллерийская канонада слышна уже во всех районах столицы Царства Польского, на её главных улицах множество повозок с ранеными.

²¹ Раевец — современный г. Реевец Фабричный, Польша.

²² Рожан — современный г. Ружан, Польша.

Фон Гинденбург стал рассылать друзьям телеграммы-приглашения, зазывая своих старинных товарищей побыстрее приехать, если они желают своими глазами увидеть взятие Варшавы.

В районе Холма и Грубешова продолжались ожесточённые бои. С обеих сторон почти непрерывно сгружались прибывающие подкрепления. Практически уже две недели изо дня в день германцы пытались преодолеть русские траншеи и встречали невиданное ещё ими сопротивление. Будто именно здесь решалась судьба России, как писали немецкие газеты. Передовая была изломана многочисленными зигзагами от бесщётных атак и контратак. Никто уже не помнил, кому изначально принадлежала та или иная траншея, столь часто они переходили из рук в руки. Наибольшее расстояние, на которое за всё это время смогли продвинуться германо-австрийские войска, да и то лишь на некоторых участках, было двенадцать вёрст. Столько фон Макензен и его союзник-подчинённый фон Бём-Эрмоли привыкли проходить за один день, и не кое-где, а всем фронтом.

Сотни тысяч украинцев и поляков, разделённые границей и мобилизацией меж противоборствующими лагерями, сражались и здесь, и вокруг Варшавы как враги, с обеих воюющих сторон, и это создавало впечатление невероятности происходящего — особенно, когда с русских и германо-австрийских позиций доносились на одном и том же языке крики ярости и стоны раненых. Иногда, в редкие минуты затишья, сидящие в окопах по разные стороны фронта люди переговаривались друг с другом, и эти разговоры приводили военных корреспондентов в замешательство.

Семнадцатого июля пополудни австро-венгерская конница эрцгерцога Иосифа-Фердинанда заняла Люблин, один из крупнейших железнодорожных узлов Царства Польского, важный пункт на пути снабжения войск, защищавших Варшаву, и серьёзную преграду для продвижения фон Макензена на Брест. Теперь угроза оказаться в окружении в Польше стала для русской армии более чем реальной.

Восемнадцатого июля австрийские части под командованием генерала фон Войрша форсировали Вислу, создав опорный участок на её восточном берегу севернее Ивангорода и захватив Подзамче. Ещё ближе к Варшаве на понтонных мостах переправились через реку немцы.

В Берлине начали готовить флаги и цветы для ожидавшихся со дня на день празднований по случаю взятия столицы Конгрессовой Польши.

В этот день было объявлено о досрочном призыве в русскую армию. Под ружьё становились мужчины, родившиеся в 1896 году — на год, а то и два раньше, чем ожидалось для этого возраста. По оценкам газетчиков только это пополнение могло составить шестьсот тысяч человек.

Военное министерство Российской империи издало разъяснение, согласно которому Верховный Главнокомандующий Великий князь Николай Николаевич приказал отходящим войскам уничтожать только то имущество, которое может иметь ценность для неприятеля. Патриотическое население, однако, по собственной воле сжигает свои дома и посева, лишь бы они не достались врагу.

На следующий день, девятнадцатого июля 1915 года, исполнялся ровно год, как Германия объявила войну России. Газеты разных стран пестрели сообщениями о достигнутых результатах. Баланс оккупированных земель был в пользу центральных держав, они захватили сто семьдесят пять тысяч квадратных вёрст территорий. При этом больше всех пострадала Россия — ещё до ожидаемой со дня на день сдачи Варшавы она лишилась ста тридцати тысяч квадратных вёрст²³ земель. В германо-австрийском плену находилось два миллиона двести тысяч человек, из

²³ Чуть меньше территории современного Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации.

которых более одного миллиона семисот тысяч были подданными России²⁴ — на фронте сражалось меньше подданных Российской империи, чем их было в плену центральных держав. Подбили даже общую сумму займов воюющих стран на военные цели — девятнадцать миллиардов североамериканских долларов²⁵.

А вот общее количество тех, кому эта война принесла смерть, нет, не подсчитали...

Суббота, 18 июля 1915 года, суббота

1.

Село Будятичи Владимир-Волынского уезда.

Август на Волыни. Холодный рассвет, дождливое утро, жаркий день. Вечером, конечно, опять будет моросить. Оденешься полегче, продрогнешь и промокнешь. Оденешься потеплее, и к полудню сопреешь.

Пристав Сас, собираясь в дорогу ещё затемно, отверг протянутую женой плотную рубашку с начёсом — то ли из упрямства, то ли из желания соблюсти форму. А ведь можно было поддеть под сюртук, никто бы и не заметил. Тем более что война, до мундира никому нет дела. Но вот не взял, и всё утро дрожал от холода, непрерывно хукая на заледеневшие пальцы и растирая немеющий на ветру нос.

Страдания эти, однако, не спасли Саса от полуденной жары. Солнце пекло немилосердно, дорога вилась всё больше среди полей, подальше от деревьев, а налетающий время от времени ветерок облегчения не приносил.

— Где ж я возьму подводы? — устало говорил староста Цехош, преждевременно постаревший мужчина лет пятидесяти, на которого они наткнулись, едва въехав в село. Его пышные вислые усы совсем поникли. — Мобилизация, эваву... — он запнулся и попытался выговорить это слово ещё раз: — Эвавува...

— Эвакуация, — буркнул приехавший с приставом прапорщик Михайлишин и отвернулся, чтобы не было видно, что его душит смех. — Сиречь организованный...

— Она! — перебил его староста. — В прошлом году три раза мобилизации... мобилизовали. Хлопов, коней, подводы, сено, хлеб. Топоры забрали... В этом году дважды. А теперь ещё и она, эта эваву... Она, значит! А вы подвод хотите! Где, где я их вам возьму!

— Полста дворов, пять подвод, — сурово отчеканил Сас. — Весь повет в том же положении, так что тащи пять подвод. И дай до завтра хотя бы две лошади, чтобы эти подводы в город доставить!

— Ещё и коней! — взвизгнул Цехош и, замахав руками, развернулся к полицейскому спиной, будто собирался уходить.

Конечно, это было лишь притворство, часть ритуала. Согласно тому же ритуалу Сас должен был сразу же остановить старосту и предложить какой-нибудь компромисс. И пристав схватил Цехоша за локоть, уже готовый разразиться длинной речью, да вот только прапорщик вдруг тоже

²⁴ Для сравнения: в этот момент под ружьём в Российской империи числилось 3,8 миллиона человек, из которых лишь меньшая часть принимала участие в боях.

²⁵ Девятнадцать миллиардов североамериканских долларов по состоянию на середину 1915 года — почти полтриллиона долларов сегодня.

решил поучаствовать в этом представлении. Он придвинулся вплотную и, едва сдерживая улыбку, скинул с плеча в руку винтовку. В ней что-то металлически бряцнуло, и все немедленно уставились на Михайлишина, задаваясь вопросом, зачем он взялся за оружие.

— Мирон Никифорович, — быстро, чтобы сгладить впечатление от выходки прапорщика, заговорил Сас, — я ж всё понимаю. Я что, сам не знаю? И про мобилизацию, и про эвакуацию, и про урожай на полях, и про беженцев, которые через повет прошли, что саранча. Я ж не требую по подводе со двора! Дай пять подвод! Полста дворов, пять подвод. Разве не по-божески?

— Какие полста дворов! — дёрнулся староста, но потом уже более миролюбиво добавил: — Вы, вашбродь, сами на село посмотрите. Вот оно, всё перед вами. Где вы тут село видите? Где полста дворов? Где люди? Где кони? Где подводы?

Будятичи и на самом деле производили довольно унылое впечатление. Хаты на окраине стояли после недавних артиллерийских обстрелов в развалинах. Дворы в центральной части, залитые солнечным светом, казались яркими, живописными, даже весёлыми, но вокруг них не было жизни — не копошился скот, не ходили люди, не взвизгивали собаки. Стоило приглядеться, и становились видны доски, которыми уходящие на восток селяне заколотили двери и ставни. Даже Николаевская церковь, одиноко возвышавшаяся над всем селом, производила печальное впечатление.

— Можно посмотреть книги, — отозвался Гасюк, ещё один юноша в небольшой команде Саса. Было ему двадцать три, самый возраст для военной службы, но почтальон спасся от мобилизации благодаря хромоте. Конечно, странно, что припадающего на ногу мальчишку взяли на работу, требующую много ходить, причём взяли в благополучное довоенное время, но был он дальним родичем ресторатора Цибулинского, а поветовый почтмейстер весьма любил пропустить у того рюмку под кровянку.

Именно Гасюк додумался с грозным видом потребовать проверки «книг» у старосты села, где они были утром. Там этот аргумент подействовал магически — в Володимир были отправлены две подводы. По бумагам рассчитывали на десять, на самом деле надеялись на одну, а получили две. Победа!

— Книги? Смотрите, — равнодушно пожал плечами Цехош.

И что теперь? Одно дело, когда староста проверки бумаг пугается и становится покладистым. Совсем другое, если нет. Что, они сейчас ревизию, что ли, устраивать будут! Да и пользы от той ревизии! Уж лучше по сараям пройтись...

— Ты, Мирон Никифорович, готовь книги, — раздосадовано буркнул пристав. Вздохнул, оглянулся на возвышавшуюся над ним Николаевскую церковь. — Мы иконе вашей чудотворной поклонимся и сразу за тобой.

Цехош резко развернулся. Так, будто его оса ужалила.

— Так, вашбродь, батюшка к себе пошёл, обедать, — поспешно проговорил Мирон Никифорович. Взгляд старосты почему-то стал напряжённым. — На обратном пути помолитесь! Заодно и к источнику святому провожу вас! А хотите, прямо с него и начнём! Сейчас же!

— Так и на обратном пути, конечно... — растерянно кивнул полицейский. — А пока на минуту заглянем в храм. Нехорошо на ступеньках стоять и не войти...

— Так ведь...

Это неожиданное, мелочное, такое ненужное препириание вывело и без того раздосадованного пристава из себя. Тадей Назарович Сас зыркнул на Цехоша так, что тот сразу поник. Только неуверенно предложил:

— Давайте я уж вас сопровожу!

— Выходит, вы, Тадей Назарович, под стражей теперь! — весело откликнулся Михайлишин, приглаживая свои офицерские усыки. — Даже в церковь под конвоем!

И негромко рассмеялся, нимало не удручённый тем, что никто не улыбнулся.

Пристав вздохнул. Что за ребячество! Офицер ведь! Офицер! В военное-то время!

Прапорщик до ускоренных военных курсов успел получить диплом инженера-механика. От столь образованного человека ожидали, конечно, что он будет вести себя солидно, но Михайлишин то и дело срывался в неприличную несерьёзность.

Цехош поспешно поднялся по ступеням и скрылся в темноте церкви. Гасюк не торопясь последовал за ним. Прапорщик поколебался немного, даже посмотрел на подводу, на которой вся тройка приехала в Будятичи, видно, хотел пока посидеть там, но всё же пошёл к распахнутым дверям.

Тадей Назарович сорвал с головы фуражку и, крестясь, нырнул в черноту притвора.

— Николай-чудотворец, — бормотал полицейский, — молю, прости прегрешения мои...

Как всегда, когда Сас переходил на великорусский говор, слова получались какие-то странные, будто натужные, но молиться в храме на малороссийском наречии было бы немислимо.

После яркого солнечного света здесь, внутри церкви, было совсем темно. Пока глаза привыкали, полицейскому даже показалось, что нечто чёрное и бесформенное метнулось за иконостас, хотя, конечно, храм был пуст. Только Цехош стоял посередине, крестясь и что-то шепча.

У иконы Божьей Матери, главной святыни этой церкви, полицейский встал на колени и наскоро произнёс молитву.

Приятная прохлада окутывала разгорячённого августовской жарой Саса, и это ощущение было столь сладостным, что Тадей Назарович решил повторить молитву, на этот раз не торопясь.

Приставу было сорок два. Голова без признаков лысины или седины, закрученные кольцами вверх усы, разжиревшая до неприличия фигура, одышка — вот и всё, чем наградила его природа. Ах, ну да, ещё и подагра. Из-за неё в иные дни было невозможно ходить — пальцы ног жгло болью. Доктор Локач советовал не есть мяса и не пить вина, но пристав искренне не понимал, как это на самом деле можно сделать.

— А цирроз? — настаивал лекарь. — Ведь и цирроз может развиваться.

— Разовьётся, будем говорить, — мрачно отвечал Тадей Назарович, в глубине души уверенный, что все эти рекомендации Локач изобретает с единственной целью досадить ему.

— И надо бы съездить на воды, попить что-нибудь кроме водки и вина, — добавлял доктор, окончательно выдавая свои злобные намерения.

На доход по десятому классу! При шестидесяти рублях в месяц! При доме, жене и пятерых детях! На воды!

А теперь, во время войны, все эти советы казались уж совсем не от мира сего. Воды! Какие тут воды! Какие тут «без вина и мяса»! Тут эвакуироваться надо! Уж все сроки вышли! Исправник семью свою ещё месяц назад отправил, предчувствовал, чем всё кончится. Участок тоже уехал. Один городской остался, да и то лишь потому, что архив упаковывает. Косится на Саса, потому что эвакуироваться может только вместе с ним.

Надо, надо уезжать! В течение дня-двух, в крайнем случае, трёх! Даже если город не сдадут русские, то австрийцы разнесут в щепки.

Это ж надо, что Сас каким-то ловким и незаметным манёвром начальства оказался единственным ответственным за мобилизацию подвод! Триста подвод! На второй год разорительной войны! Империя боеприпасов не знает где взять, а тут пристав Сас должен вынуть и положить триста подвод! Все понимают, что подвигом будет уже и пятьдесят. За неделю сумели найти всего тридцать две. И никто же, скупердяи сельские, кто ещё не ушёл в тыл, сам подводы не

присылает. К каждому надо лично ехать, грозить, просить, почти красть! А кто уже эвакуировался, то всё, ничего с них не получишь, пропало...

Уж определено для всей володимирской полиции новое место службы — соседний повет, Луцк. Только вот с выполнением указания по мобилизации подвод заминка...

А ехать надо. Как ни крути, если ещё на два-три дня задержаться, можно совсем опоздать. Не приведи господь оказаться на землях, занятых неприятелем! Это верный способ лишиться не только службы, но и пенсии. Да и австрийцы с русским полицейским сюсюкаться не будут. У них, говорят, есть особые лагеря для таких, как Сас. Верить всем ужасам, которые газетчики живописуют, конечно, нельзя, но даже если не будут рубить ног, рвать язык, сжигать или закапывать живьём, вязать в тюрьму, в общем, если ничего не будет Тадею Назаровичу, совсем ничего, оставят его в покое и позволят жить, как жил, где он будет служить? Кто ему жалование положит? На кой он австрийцам нужен?

Надо, надо эвакуироваться. Бросить дом, большую часть нажитого, ехать куда-то. Начинать на новом месте на шестьдесят рублей! И сбережений всей жизни аж двести двадцать семь рублей... Ассигнациями... Кредитными билетами, то есть...

Луцк. Ещё тот городок! Однако русская армия беспрерывно откатывается на восток. Тех, кого выселяли в Володимир из Галичины, теперь гонят дальше. Как бы так не получилось, что и Сасу с семьёй придётся через месяц бежать из Луцка в Житомир, а ещё через месяц в Киев. При той скорости, с которой идёт Великое отступление, как бы не пришлось зимой обжиться уже где-нибудь на Волге!

Как так может быть! Ведь Российская империя огромна и неисчислима! Османов победила! Наполеона! Сколько земель присоединила только на веку Саса — Коканд, Бухару, Хиву, Закаспийский Мерв, Урянхайский край! Были, конечно, и потери — из-за проклятых японцев, с которыми мы теперь, вот ирония доли, союзники — но за те поражения виновные уже наказаны! А Австро-Венгрия? Сами австрийцы говорят, что она одряхла, подгнила и рассыпается. «Большой человек Европы!»! Как же случилось, что славная русская армия бежит!

Сас вздохнул. За время эвакуации дом точно пограбят. А могут и, чего доброго, сжечь... Или снаряд попадёт...

Службу бы не потерять! Кому нужен мелкий полицейский в чужом городе! На новом месте! Там своих приставов довольно! А значит, Сас будет лишним, будет глаза мозолить, будет всем мешать. Отправят в отставку за ненадобностью, «за избыточностью». Положат «за долговременную беспорочную службу» мизерную пенсию, рублей пятнадцать-двадцать. А откуда больше взяться! Ведь и двадцати пяти лет ещё не отслужил! И что тогда делать?

Пристав закрестился. Убереги, Матерь Божья!

А могут и призвать! В окопы! Отправят в отставку, снимут отсрочку и призовут. Уже ведь мобилизовали тех, кому сорок два. И даже тех, кому сорок три. И на подагру не посмотрят. Погонят под пули, отравляющие газы, пушечные снаряды. Под беспросветные осенние дожди, защитой от которых будет лишь одна худая шинель. В траншеи, по колено заполненные жидкой грязью. Ко вшам, гангренам и чахотке...

Саса передёрнуло, и он закрестился, с мольбой глядя на рисованный лик Божьей Матери. Ведь чудотворная икона!

И тут же, будто в ответ, в мёртвую тишину храма ворвался отзвук далёкой канонады. За последний месяц все уже успели к нему привыкнуть, но чтобы артиллерийский обстрел начался именно в ту секунду, когда Тадей Назарович просил Деву Марию о заступничестве от призыва!

Сас неуклюже поднялся, ещё раз перекрестился и усталой походкой зашаркал к выходу из церкви.

Гасюк, даром что хромой, подскочил на освободившееся место, бухнулся перед иконой на колени и что-то поспешно зашептал.

Михайлишин стоял рядом с Цехошем. Похоже, совсем не молился, лишь, задрав голову, любовался сводом церкви. Хорошо ещё, фуражку снял.

Как-то такое неверие по-научному называется. Старший в гимназии учил. Вроде древние греки таким баловались, да только все потом сгинули.

Щурясь от яркого солнечного света, Сас вышел на паперть. Обернулся, ещё раз перекрестился и направился к Кривому, невзрачному пятилетнему жеребцу, которого Михайлишину выделило из числа мобилизованных лошадей его начальство. К коню прилагалась селянская подвода, на которой троица весь день тряслась по колдобистым дорогам повета. Тьфу ты, уезда. Что за «повет»! Не может пристав Российской империи говорить «повет»! Речи Псполитой уж больше ста лет нет, а люди все «повет» да «повет»!

Кривой покосился чёрным глазом на человека, фыркнул и пригнулся к остаткам сена. Наброшенные на колышек коновязи вожжи натянулись.

2.

Дом старосты, с. Будятичи.

В хате ²⁶ царила странная смесь беспорядка и бросающейся в глаза пустоты. Сасу это было до боли знакомо — его собственный дом уже больше недели лихорадило от сборов в эвакуацию. Голые доски мисника ²⁷ и полов ²⁸ с грустью смотрели в потолок. На дол ²⁹ были брошены пара узлов с вещами. Рядом стояли корзина с посудой и ящик с инструментами. К стене жался пустой самодельный комод с откинутой крышкой. Мешки с зерном и овощами, кроме двух с картошкой в снях, Цехош уже погрузил на подводу во дворе.

Хозяин был готов к отъезду, оставалось лишь перенести узлы на воз. Вещей оказалось немного, основную часть имущества увезли жена и дети, эвакуировавшиеся несколько дней назад...

Цехош суетился, рассаживая своих неожиданных гостей. В его взгляде теперь не было напряжения. Совсем.

Эх, подозрительно! В былые времена пристав бы такого не упустил. Уж он бы вцепился! Уж он бы выведаль! Явно же что-то не так! Но... Война, Великое отступление, эвакуация... Сегодня нужно взять с этого старосты две подводы. А завтра... Кто его знает, где они оба будут завтра...

На единственном в хате столе уже стояли стаканы, бутыл с мутной жидкостью и тарелка со свежими огурцами. Всё это Цехош довольно быстро вытащил из упакованных вещей.

— Вреднее самогона горилки нет, — мрачно говорил Гасюк. — Разрушает личность, ведёт к необратимым изменениям внутренних органов, разоряет семьи.

Это он так себя выпить уговаривает?

²⁶ Хата (здесь) — украинский сельский дом-мазанка, стены которого делались из каркаса переплетённых тонких веток, обмазанных с обеих сторон глиной и побеленных извёсткой, а крыша крылась соломой, очеретом или камышом. Дом, как правило, состоял из одной комнаты, собственно и именовавшейся хатой, и хозяйственных помещений.

²⁷ Мисник — расположенные напротив печи настенные полки для посуды.

²⁸ Полы — возвышенное (на высоте лавок) дощатое место от печи до угла хаты, место для спанья, фактически кровать.

²⁹ Дол — пол, обычно глиняный.

— Желаете, вашбродь? — спросил староста.

Сас кашлянул и с недовольным видом тронул ус.

В империи в связи с войной давно уж ввели сухой закон. За эту бутылку с самогоном надлежит без лишних слов составить протокол...

Тадею Назаровичу налили полный стакан. Положили рядом огурец.

И как на него, этого Цехоша, протокол составлять? Под канонаду? В лихорадке эвакуации? Будь это Житомир, да даже и Луцк, скрутил бы пристав селянина без лишних слов, но здесь, в прифронтовой полосе...

Сас придвинул стакан к себе.

Староста тут же подал ему вычурную солонку, извлечённую из корзины.

Пристав повертел её в руках. Какая цацка! Такие более уместны где-нибудь в Киеве!

Вообще, у Цехоша, насколько помнил пристав, было множество вещей, которые никак не ожидаешь увидеть в сельской хате. На стене до сих пор висела картина маслом, изображавшая какую-то красивую церковь в окружении трёхэтажных домов большого города. Её, похоже, в эвакуацию не брали. Отдельно стоял любовно закутанный в ткань граммофон системы Берлинера. Среди кастрюль и сковородок в корзине валялась турка, о назначении которой хозяин, как знал Сас, не подозревал и считал этакой диковинной игрушкой. На гвозде, вбитом в стену, когда-то висела шляпа-борсалино. Сейчас там, правда, было пусто. У печи, под полами, почти скрытый брошенной сверху тряпкой торчал потёртый чемоданчик. Ляна, жена Саса, называла такие «на одно платье». В селе, затерянном среди глухих волынских болот, и городской чемодан!

Брат Мирона Никифоровича Микола лет двадцать уже, если не все тридцать, как уехал из села. Жил в Одессе. Работал, где придётся, чернорабочим. Потом устроился в железнодорожных мастерских. Несколько раз приезжал в родные Будятичи, привозил всякие городские диковинки, вроде турки и борсалино. Казалось, зажил неплохо. Потом на несколько лет исчез. И вот в одиннадцатом году в Володимир прилетела телеграмма, что городской обыватель Цехош Николай Никифорович разыскивается одесской полицией за устройство беспорядков в порту. Стачку какую-то организовал. С мордобитием, порчей имущества и срывом контрактов. Связался он то ли с социал-демократами, то ли с социал-революционерами. А может, и с анархистами. В общем, предписывалось его разыскать и арестовать. Сас тогда две недели просидел в засаде. В этой самой хате. Уж он это борсалино как только не мерял! И граммофон, помнится, не раз заводил...

А Микола, конечно, в родной хате так и не появился. Говорят, сбежал в румынское королевство. Там и сгинул.

Тадей Назарович взял стакан и одним махом опрокинул в рот. Замер, пережидая, пока обжигающая жидкость проскользнет в желудок. Откусил половину огурца.

Сразу захотелось есть. Сильно, будто открыли какую-то заслонку. Вот бы сейчас яичницу с салом и луком! Или жареной картошки со свежим укропом! Или того и другого сразу! И запить все это простоквашей с куском чёрного хлеба...

Сас невольно оглянулся на печку.

— Может, чайку желаете, вашбродь? — тут же откликнулся староста.

Ведь понял же, чего хочет пристав, но предложил лишь чаю. Варенья-то хоть найдёт?

Мирон Никифорович с готовностью подкинул в грубку³⁰ дров, быстро пошевелил тлеющие угли кочергой, выхватил из корзины чайник и вышел из комнаты. Он так стремился

³⁰ Грубка — небольшая украинская печь с варочной плитой для приготовления пищи.

продемонстрировать рвение, что занавеска, отделявшая хату от сеней и коморы³¹, после него взлетела в воздух, что тебе парус. Стало слышно, как староста из чана с водой наполняет чайник. Кружка за кружкой, кружка за кружкой...

Сас откусил ещё огурца. Сосущее ощущение где-то в необъятном животе только разрасталось.

В его подводе лежал узелок, собранный Ляной. Несколько варёных яиц, небольшой кусочек сала, чёрные сухари. И ещё огурец, будь он неладен! У Михайлишина и Гасюка, вроде, тоже что-то с собой было. Нужно будет перекусить на выезде из Будятичей. Хоть бы у того же святого источника...

— А что, Мирон Никифорович, как там твои? — спросил Сас.

Надо же было о чём-то говорить!

Он не мог вспомнить, как зовут жену старосты. И сколько у них детей позабыл. Кажется семеро или восьмеро, причем большая часть уже взрослые, имеют собственные дома.

— Тася? Уехала и младших забрала. А старшие сами уже кто куда, — донеслось из-за занавески. — Эвавува... Сказали же всем уехать!

— А ты?

— Сегодня, — вздохнул Мирон Никифорович, возвращаясь в хату. Поставил чайник на грубку. — Как вас провожу, так всё тут заколочу и тронусь в путь. В селе остаются три семьи, но они, думаю, так и не соберутся. Ну и батюшка, он не может паству покинуть.

Сас кивнул.

— Да, тянуть дальше нельзя, — отозвался Гасюк. Он сидел на ослинчике³² прямой и сосредоточенный, как всегда. Одень его по-другому, не иначе, курсант военного училища на выпускном экзамене. — Зверства австрийских оккупантов известны.

Староста посмотрел на него и неуверенно проговорил:

— Вот вы говорите, Юстин Атанасович, австрийцы. Германцы, так сказать. А я думаю, что как суждено, так и будет. Либо я к семье, либо они ко мне. А вместе ничего не страшно.

— Так не пойдет! — рассмеялся Михайлишин и тут же перешёл на великорусское наречие: — Боюсь, в таком виде ваше высказывание печатать в «Новом времени» нельзя. Давайте лучше перефразируем: в родном отечестве ничего не страшно! И хорошо бы ещё добавить фотографию, на которой вы уезжаете из села. На лице слеза, непременно одна, но заметная, в глазах решимость, руки сжимают остро наточенную косу. И подпись: «Не прощу захватчикам!».

Староста посмотрел на прапорщика, и по его взгляду было понятно, что Мирон Никифорович вообще ничего в шутке Михайлишина не понял.

— Я где-то читал, — заговорил Гасюк, в свою очередь меняя язык, переходя на польский, или в пику прапорщику, или чтобы подчеркнуть, что новость, которой он хотел поделиться, касалась Царства Польского, — что австрийцы одного пана привязали к дверям собственного дома и отрезали язык. И это на глазах у жены и малолетней дочери!

Сас и Цехош одновременно вздохнули. Прапорщик даже бровью не шелохнул, скорее всего, не понял.

В наступившей тишине стало особенно хорошо слышно, как в отдалении грохочут пушки. Вроде, даже громче стало. Наверное, сразу несколько батарей. У австрийцев недостатка в снарядах нет.

³¹ Комора — кладовая, отдельное помещение при украинской хате.

³² Ослинчик — переносная скамья на ножках (в отличие от лавок, которые были встроены в стены).

И ещё одна удивительная вещь. Краем уха пристав, вроде, уловил топот копыт. Будто несколько всадников галопировали где-то неподалеку. Ещё кого-то в село принесло? Надо поскорее на обход выйти.

— А куда твои уехали? — спросил Тадей Назарович.

— В Ровно, вашбродь, через Луцк. Люди говорят, в Ровно хорошо, беженцев немного, и война почти не чувствуется.

Пристав пожал плечами. Да уж лучше сразу в губернский город Волыни, в Житомир. Жаль, у полицейских выбора нет. Приказали в Луцк, значит, в Луцк. Это отсюда всего лишь семьдесят вёрст. Австриец, когда наступает, такое расстояние в несколько дней проходит.

— Ладно, — тряхнул головой Сас. — Где твои книги?

Староста вскочил со своего табурета, бросился к одной из корзин, суетливо вытащил из-под горшков, мисок и чашек несколько тоненьких канцелярских папок, все в пятнах и кухонной грязи. Пристав сразу их забрал.

В верхней, зелёной, довольно потрёпанной, оказались личные письма. Это ж надо, Цехошу, оказывается, кто-то пишет! А тот эту корреспонденцию, вот пасторальный хлебопашец, подшивает! А помнится, в грамоте не силен, по слогам едва разбирает.

В следующей папке, красной, изорванной, лежали прошитые белой ниткой газеты. Не подписка. Видно те, что случайно попадали Цехошу в руки. Верхняя, житомирская «Волынь», датировалась тринадцатым годом. Хех, свежая! Мирон Никифорович сложил все газеты вчетверо да так и прошил. Даже не подумал, можно ли будет их потом развернуть.

В третьей папке, серой, заметно новее, с той же тщательной аккуратностью были скреплены казённые бумаги — предписания, циркуляры, приказы. Где-то там наверняка лежали и копии отчётов ревизионных комиссий.

И, наконец, одна книга. Не папка, а именно книга. Заведённая ещё в прошлом веке. Были в ней протоколы сельских сходов, написанные красивым, легко читаемым почерком. Должно быть, писал кто-то из церковных.

— Господин Цехош, — по-русски сказал Сас, веско бросив сначала книгу, а потом и папки на стол, между стаканами и бутылью самогона. Слова звучали ненатурально, с неприятным акцентом, но сейчас это было даже хорошо. — Согласно приказу командующего Третьей армией генерала от инфантерии Леша, подтверждённого главнокомандующим Северо-Западного фронта генералом от инфантерии Алексеевым, вам надлежит...

Пристав смотрел в глаза старосты, стараясь не выдать, как сильно он преувеличивает уровень принятия решения о мобилизации подвод. Он понимал, что крестьянский здравый смысл Мирона Никифоровича очень быстро поставит под сомнение самую возможность того, что главнокомандующий мог озаботиться какими-то пятью телегами, и старался суровостью тона успеть напугать Цехоша.

— ...сей приказ был доведён до вашего сведения на прошлой неделе специальным циркуляром, однако выполнен не был, — закончил Сас. Потом подумал и добавил: — В военное время подобная неисполнительность...

И покачал головой.

— Тут под суд пойти можно, — бросил Михайлишин, и вновь даже ребёнок бы увидел, что прапорщик едва сдерживает хохот.

Гасюк же сидел с таким видом, будто суд уже состоялся. И не просто состоялся, но и вынес приговор — расстрел.

Ответить Мирон Никифорович не успел.

Звучавший уже некоторое время глухой топот копыт нескольких лошадей стремительно приблизился. Цехош наклонился через стол к окну, чтобы посмотреть, кого там чёрт принес, но всадники оказались проворнее.

— Поводья держи! — крикнул кто-то снаружи.

В сенях загромыхали тяжёлые сапоги, человек зачертыхался, споткнувшись о полупустые мешки с катоской, решительная рука отклонила в сторону занавеску, и в дверном проёме показалась чёрная тень.

— Кто староста? — рявкнул вновь прибывший. Разглядел сидящих за столом и потянулся к висящей на боку шашке. — Кто такие?

Все вскочили.

Особым чутьём, позволявшим Сасу вот уже столько лет без особых потерь лавировать среди перипетий уездной жизни, пристав почувствовал, что препираться не стоит. Прибывший был армейским кавалеристом, поручиком, особой, равной приставу по чину, но... Война!

Тадей Назарович постарался встать смиренно, мимолетно устыдившись выпирающего вперёд живота, и отрапортовал во всю мощь своей глотки:

— Пристав Сас с предписанием о мобилизации подвод на нужды фронта!

— Подвод! — презрительно бросил вошедший, но руку от шашки отвёл. Взглянул на мундир Гасюка и добавил: — Почтовый!

Остановился перед Михайлишиным.

— Прапорщик?

— Так точно! — тот отдал честь. — Прапорщик 13-го обозного батальона Михайлишин!

— Поручик Смирнов! — вновь прибывший честь принял, отсалютовав, как и положено. — Все поступаете в моё распоряжение. В село проник вражеский лазутчик. Он нужен живым! Поняли? Живым!

Обвёл взглядом присутствующих и рявкнул во всю глотку, да так, что аж натянулись жилы на шее:

— Все на выход!

3.

Дом старосты, с. Будятичи.

— Я тут видел... — вскрикнул Михайлишин, бросаясь к выходу вслед за всеми.

Смирнов резко развернулся, и мобилизационная троица налетела на него прямо в сенях.

— Там, в церкви. Может, конечно, мне просто голову напекло... — прапорщик сжал губы, не позволяя всегдашней улыбке выскочить наружу. — Там, вроде, кто-то был. За иконостасом...

Тадей Назарович вздрогнул. Значит, не показалось. Неудержимо хотелось обернуться, посмотреть, переменился ли в лице Цехош. Делать этого Сас, конечно, не стал. Ведь сразу станет ясно, что он связывает того человека со старостой. Зачем это показывать? Врага наживать? И так всё скоро разъяснится.

— Да не было никого в церкви! — возмутился за спиной Мирон Никифорович. — Я ведь с вами заходил!

— Кого вы, прапорщик, видели? — резко спросил Смирнов, совершенно игнорируя Цехоша.

— Темно было, а я со света вошёл...

Поручик сразу расспросы прекратил.

— Пристав, вы бегите к хатам слева, огибайте храм по задним дворам и ждите с той стороны, — Смирнов ткнул рукой в нужном направлении. — Вы, господин почтовый...

— Моя фамилия Гасюк, — перебил его Юстин Атанасович. Произнес он своё имя неторопливо, чётко, будто знакомился с барышней.

Вообще, говорил он на великорусском наречии чисто, гладко, без малейшего акцента. Как и Михайлишин. Городская молодёжь! Рядом с ними Сас чувствовал себя неотёсанным селюком.

Кавалерист нетерпеливо качнул головой.

— ...вы бегите направо. Встретимся там же.

— Я, вашбродь, имею некоторый дефект походки, не позволяющий, например, нести воинскую повинность... — темп речи Гасюка никак не изменился.

Он пикироваться с поручиком надумал, что ли? Так ведь чином не вышел! Как бы не пришлось Сасу потом держать его в доме предварительного заключения и ломать голову, как выпустить. Недавно к тому же вновь ввели розги. Для солдат, конечно, но кто его знает, что взбредёт в голову горячему кавалеристу в прифронтовом городе...

— Остаётесь здесь, присмотрите за лошадьми! — едва сдерживаясь, прорычал поручик. — Вы, прапорщик, — повернулся он к Михайлишину, — прикроете правый фланг.

— Есть! — рявкнул тот.

Выглядел он при этом как самый натуральный служака.

Ну, хоть этот знает предел шуточкам!

А с другой стороны... Чего это Михайлишин с такой готовностью подчинился чужому офицеру? Он ведь военный, должен понимать, что сегодня его начальник — Сас! Испросил бы хотя бы из приличия у пристава позволения!

— За мной! — Смирнов махнул двум рядовым, прибывшим с ним, и помчался через площадь, прямо к церкви. Его подчиненные бросились за ним. Михайлишин рванул к хатам справа. Сас повернул налево.

Бежать Тадею Назаровичу было тяжело. Сразу обожгло пальцы ног. И живот подпрыгивал при каждом шаге, всей своей мощью ударяя куда-то под рёбра. Шашка била по ногам. Уже через секунду стало не хватать воздуха. В последний раз пристав бегал лет семь-восемь назад, ещё околоточным, когда какой-то недоумок бросил бомбу у двери публичного дома в Володимире. Сасу невыносимо хотелось перейти на шаг, но делать это на глазах у поручика было нельзя.

Ближайшая хата слева была всего в шагах пятнадцати-двадцати. И всё же, когда Тадей Назарович достиг её, в глазах уже начало темнеть, а грудь разрывалась от недостатка воздуха. Оглянувшись, чтобы убедиться, что его никому не видно, Сас остановился. Прислонился к палисаду, пытаясь отдышаться. Конечно, любой услышит, что шпоры на его сапогах больше не звенят. А что тут поделаешь?

Вспомнилась чёрная тень в церкви. Если у человека нервы чуть крепче, чем у кисейной барышни, и наличествует хоть какой-то опыт, поймать его будет затруднительно. Что выдаёт вора? Что он бросается наутёк! А этот, если не побежит, если отползёт за хаты и затихнет, или просто расположится как хозяин в одном из пустующих домов, как ты его заметишь, как найдешь? Среди

пятидесяти брошенных дворов с их хатами, сараями, пристройками? В пустом селе, где некому на чужака указать?

Теперь только необъёмное тело пристава откликнулось на кратковременное напряжение, и Саса бросило в жар. На лбу обильно проступил пот.

Хоть платок есть. Тадей Назарович полез в карман. Синий... Ведь просил же не давать синего!

Пристав стал вытирать пот, но на коже вновь и вновь проступали крупные капли. На губах появился солоноватый вкус.

А на фронте как он будет бегать? Призовут, дадут звание того же поручика и нужно будет бегать в атаки. Или, более вероятно, бегать от атак противника. А как, как он это будет делать? При его-то подагре! При животе! Ведь убьют, сразу убьют!

Сас вдруг совершенно ясно ощутил, что окопов он даже не увидит. Первая же пуля пробьёт ему голову, и он умрёт, оставив семью без всяких средств к существованию, в чужом городе, среди чужих людей...

Пожалеть себя пристав Сас не успел. Совсем рядом, казалось, сразу за хатой, раздался винтовочный выстрел. И тут же ещё, и ещё.

Тадей Назарович рванул из кобуры наган, бросился вдоль забора и выглянул из-за угла. Поручик и прибывшие с ним рядовые сгрудились около чего-то на земле.

Пристав осторожно осмотрелся. Село было всё так же безлюдно, пустынно.

Похоже, перестрелка закончилась, едва начавшись.

Сас, чертыхаясь про себя, побежал к кавалеристам. Ни остыть, ни отдышаться не успел. А не бежать нельзя!

— Кто с тобой был? Сколько вас? — ещё издали услышал он крики Смирнова.

На земле лежал, весь в крови, мужчина лет пятидесяти. Рана в плече, рана в груди. На вид далеко не селянин, хоть одежда и старая, чиненая-перечиненная, пыльная. В потёртых, выдавших виды, но настоящих юфтевых сапогах. В пиджаке в крапинку и дешёвых брюках. Не бесформенных самодельных штанах, а брюках. Встреть такого на Александровской улице в Володимире, и скажешь, рабочий с электростанции.

Сас, стараясь сдержать одышку, склонился, насколько позволял живот, над лежащим, всмотрелся в лицо. Нет, это был не Микола, брат старосты. Ну и слава те, господи!

Подбежал Михайлишин. Заглянул через плечо одного из рядовых, поднял бровь, но смолчал.

— Говори! — орал поручик, тряся лежащего.

— Он умер уже, — пробормотал Сас, засовывая наган обратно в кобуру. Пот застилал глаза. И лёгкие требовали воздуха, больше воздуха. Похоже, своей одышкой пристав производил сейчас больше шума, чем все остальные вместе взятые. — Глаза открытые, но... — пришлось сглотнуть и сделать пару вдохов, — ...не дышит.

Смирнов оглянулся на Саса и вновь склонился над мужчиной. Пощупал пульс на руке, подержал ладонь около ноздрей, вздохнул.

— Зачем, зачем ты в него стрелял?! — развернулся он к одному из кавалеристов. — Я приказал брать живым!

Тот попятился.

— Он руку скинул, вашбродь! Я думал, у него револьвер! Думал, он в вас целится!

— Револьвер! Где ты здесь оружие видишь? Хоть какое-то!

Рядовой угрюмо молчал.

Ну что, на лицо убийство. Да ещё и с участием армейских! В мирное время целое дело! Одних жандармов понаехало бы! Исправник, прокурор, суд, А сейчас что? Война. Фронт в нескольких верстах. Кавалерийский разезд застрелил подозрительное лицо. Так ведь скрывался, убегал, рукой взмахнул, будто целился! По инстанции, конечно, надо доложить, но ведь никто и слушать не станет.

Смирнов, понятно, своему начальству тоже доложит. Но и там всё разбирательство минуту займёт. Если вообще будет...

Молчи, Сас, молчи. Не твоё дело.

Поручик выпрямился, покачал головой, снял фуражку. Сорвали свои головные уборы и остальные.

— А каковы данные, что он австрийский лазутчик? — спросил Сас и сразу прикусил язык.

Неймётся, Сас? Чего это тебя понесло! За день или два до эвакуации!

Поручик пожал плечами.

— Беженцы сказали. Делал вид, что он тоже от австрийцев уходит, но свернул к Будятичам. А что беженцу в прифронтовом селе делать? Те, что шли рядом, окликнули его, так он отвечать не стал, даже не обернулся, шаг ускорил, фактически побежал. При этом, как видите, он явно городской. Шёл один, что тоже подозрительно. Ни узлов, ни мешков. Из вещей — лишь чемоданчик.

Смирнов вновь надел фуражку. Остальные дружно последовали его примеру.

— Как бы в том чемоданчике взрывчатки не было... — пробормотал кавалерист. — Мы с кавалерийским разездом местность патрулировали, вот мне штабс-ротмистр Сиротенко и приказал проверить.

Диверсионный лазутчик? В заколоченном селе Будятичи? Пустые амбары взрывать? А пусть и не диверсионный, а просто лазутчик. Что тут можно разведывать? Все ли ушли в тыл? Ну, положим, не все. И что? Какая от этого польза генерал-фельдмаршалу фон Макензену?

— Чемоданчика, кстати, не видно, — добавил поручик, оглядываясь.

А на этот раз, Сас, сможешь смолчать?

Подбежал Цехош. Ему нужно было пересечь всю площадь, и он слегка припоздал.

— Что? Что случилось? — спросил он, заглядывая в щели между столпившимися.

— Да вот... — развёл руками пристав. — Посмотри, Мирон Никифорович, не из твоих? Узнаешь ты его? Может, видел когда?

Рядовые расступились, и староста вдруг оказался прямо перед трупом. Один взгляд, и лицо его напряглось, застыло.

— Нет, — покачал он головой. — Никогда, вашбродь, не видел.

— Да ты приглядиись! — бросил поручик. — Приглядиись!

Староста послушно вытянул шею, но тут же пожал плечами.

— Нет, не знаю.

Приблизился Гасюк. Всё это время он демонстративно медленно ковылял через площадь. Почтальон, конечно, мог ходить много, много быстрее, собственно, бегать мог, не чета Сасу, да и на ногу обычно припадал не так уж заметно, но, видно, хотел что-то кому-то доказать.

— Вы почему лошадей оставили, милостивый сударь? — выдохнул поручик, мгновенно разъярясь.

— Я их привязал, не уйдут, — медленно ответил Гасюк. — А кого вы тут подстрелили?

Юстин Атанасович сделал ещё несколько шагов вперёд, и тут вдруг его глаза расширились. Позабыв, что нужно с усилием припадать на ногу, отпрянул.

— Что? — удивлённо спросил пристав.

— Я... — промямлил Гасюк. Сглотнул. — Я... вида крови не переношу. Плохо мне сразу становится.

И снова сглотнул.

— Оно и видно, — презрительно буркнул поручик. — Идите в церковь, посмотрите, не оставил ли там чего убитый.

Почтальон хотел было возразить, но Смирнов так на него глянул, что Юстин Атанасович пожал плечами и с независимым видом заковылял к храму, очень старательно хромая.

Кавалерист одёрнул на себе мундир, огляделся.

— Бестраков, Шумочкин, бегите за попом. Он наверняка уже все глаза через занавесочку проглядел. Пусть отчитает, что там положено. И заодно определит, где могилу копать. И лопаты у него возьмите. Поработайте немного. Окопы рыть умеете, справитесь. Исполняйте!

— Слушаюсь! — одновременно рявкнули кавалеристы и бросились наискосок, за угол церкви.

— Так убитого ведь в уезд нужно! — несмело отозвался Сас.

Смирнов резко развернулся всем телом. Лицо его побагровело. Рука дёрнулась к шашке.

— В уезд! — зашипел он тихо, угрожающе. — В уезд, милостивый сударь! Дознание проводить собрались? А бумаг никаких заполнить не желаете? Может, дворника кликнем?

На шее поручика напряглись жилы.

— Вы это слышите?

Он резко вскинул руку, указывая куда-то на запад. Оттуда доносилась канонада.

— Наш эскадрон пятые сутки под артиллерийским обстрелом! У нас патронов нет, у нас фуража нет! Положили сто пятьдесят человек, двадцать уже в земле! А ведь гансы ещё и наступление не начали! Без всяких сабельных атак! Да я только вчера двух своих товарищей потерял! Да я своими руками похоронил...

Ему не хватило воздуха, и он замолчал, пытаясь, но не в силах выкрикнуть что-то ещё. Его глаза, его лицо, вся его фигура излучали ярость.

Пристав примирительно кивнул. Ну что у него за беспокойный характер! Зачем он вообще встрял?

— Хотя бы фотографический снимок сделать... — уступая, промямлил он.

— По архивам проверять будете? — крикнул поручик. — А архивы где разыщите? На каких железнодорожных станциях?

Сас кивнул. Всё правильно.

Смирнов сверлил его взглядом ещё несколько секунд. Потом резко отвернулся. Постоял, пытаясь успокоиться. Присел перед убитым.

— Я этого обыщу, а вы по селу пройдите. Ваша задача — чемоданчик и возможные сообщники, — сказал он ровным голосом.

Ну, чемоданчик, положим, Сас и сам осмотреть намеревался.

— Дозвольте, ваше благородие, — вдруг отозвался Михайлишин, — я займусь убитым, а вы сможете лично всё в селе проверить. И вам спокойнее, и нам.

Смирнов поднял на него взгляд. Лицо у него вновь стало наливаясь кровью. Вслух он, однако, ничего не сказал. Просто с ненавистью смотрел на прапорщика и молчал. Похоже, сдерживался, как мог.

Михайлишин не сдавался.

— Нас на военных курсах обучали проводить обыск пленных. Дозвольте?

— Нет уж, дозволяйте всё же я! — отрезал поручик. — А вы, прапорщик, осмотрите правую половину села. Пристав, левую. Исполняйте!

Сас и Михайлишин переглянулись. Наверное, стоило что-нибудь рявкнуть в ответ. Как Бестраков и Шумочкин минуту назад.

Оба нехотя двинулись каждый в свою сторону.

— А ты чего стоишь? — сердито бросил Смирнов, оглянувшись на старосту. — Иди, иди, своих дел, небось, по горло.

— Мне сегодня уезжать, — пробормотал Цехош, пятась. — Собираться нужно...

Он засеменял обратно, к своей хате.

4.

Село Будятичи.

Тадея Назаровича помимо его воли охватило чувство подъёма. Никакого полицейского расследования не было и быть не могло, но душа возбуждённо вскинулась, воспрянула, засветилась. Мысли понеслись, всё сразу схватывая, оценивая, предвидя. Голова стала ясной. Захотелось работать! Захотелось выковырять из трупа обе пули, поискать в стене церкви третью, рассмотреть гильзы, установить, кто где находился в момент выстрелов и как там оказался, проверить направление солнечных лучей и возможные блики, допросить кавалеристов и собственную команду, прижать Цехоша, провезти убитого по сёлам, разыскать указавших на лазутчика беженцев, установить прошлое стрелявшего рядового и его возможное знакомство с жертвой, разобраться со странным поведением Михайлишина и Гасюка и заодно понять, зачем поручику понадобилось перед обыском трупа отсылать всех кого куда.

Ах, как жаль, что подобные моменты были в карьере Саса столь редки! За десятки лет его голова оказывалась нужна лишь считанные разы. А так, всё, что от него требовалось — вытягиваться во фронт и орать...

Сейчас, однако, весь этот мыслительный подъём был совсем ни к чему. Зря, так сказать. И дело не только в том, что война, и никому не нужны расследования. И не в том, что провести расследование невозможно. Тут собственно расследовать нечего. Всё совершеннейшим образом очевидно! Набор вполне тривиальных случайностей, неверное движение беглеца, охватившая рядового паника. Всё ясно!

К тому же, никто ведь не доказал, что убитый не был австрийским лазутчиком! Если был, так поделом ему! Если же не был... Ну что ж, несчастный случай, вполне объяснимый в прифронтовой полосе.

А что, выдумывать сюжетцы, будто из дешёвых книжонок для гимназистов? В забытом богом, оставленном собственными жителями, затерянном среди болот селении собрались люди,

которые никогда до сегодняшнего дня друг друга не видели, и все они оказались замешаны в убийстве случайного прохожего! Ну да, как же!

С Цехошем, конечно, творится что-то неладное. Как-то связанное с подстреленным. Со старостой стоит поговорить. Не для расследования, никакого расследования нет, а так, для душевного спокойствия. И в тот чеходанчик заглянуть...

Тадей Назарович, наконец, отдышался после бега и двинулся вдоль забора. Зашёл в какой-то двор. Хата стояла заколоченная, пустая. Через щели в досках просматривалась нехитрая мебель, которую всё равно с собой не утащишь. В сарае валялось много ненужной дребедени. Подвод, конечно, никаких не было.

Селянин, эвакуируясь, должен, просто обязан брать с собой воз. Без воза и сам далеко не уйдёшь, и добро своё не утащишь. В подводу вполне может уместиться всё имущество семьи. Даже зерно, если люди в повозку садиться не будут. Корову можно привязать.

А раз так, для селянина, конечно, болезненно взять и отдать столь нужную вещь. Она ему самому позарез нужна. Жизненно необходима, так сказать.

К тому ж, своё. Ты её сколотил, кузнецу заплатил, чтобы колёса сделал и на втулки там всякие насадил. Просто так, за здорово живёшь — неприятно.

Но, в конце концов, это же не призыв под ружьё, когда семья лишается родного человека, когда никто не знает, вернётся ли он живым, и, если вернётся, то не калек ли. Это не конь, без которого совсем никуда. Это всего лишь подвод! Да, она очень нужна, но долго ли сколотить новую!

Сас шёл по улице, заходя в каждый двор, заглядывая в каждый сарай. Возов нигде не было.

И лазутчиков, кстати, тоже!

Вот же, придумал поручик! Сообщники! Среди селян! Это ж как должен был австрийский шпион их вербовать? Приехать в село и спросить, а кто из вас, люди добрые, ни к каким секретам не допущен, в расположении военных частей не бывает, думает только о своей бурёнке и читать-писать не умеет? Ах, вы все! Так всех и вербу! Будете теперь агентами австрийской разведки!

Лазутчики, если верить газетам, околачиваются возле штабов, артиллерийских батарей, аэродромов да железнодорожных станций. Там их и ловят доблестная контрразведка, кавалерийские разъезды и просто бдительные русские воины-богатыри. Шпионам нечего делать так далеко позади расположения частей, в заброшенных сёлах...

Зачем же в таком случае сюда пришёл этот мужчина?..

В очередной хате были люди. Во всяком случае, над трубой вился лёгкий белёсый дымок.

Тадей Назарович постучал, но за закрытой дверью было тихо.

Прячутся? Мундира испугались? Вовремя грубку загасить не успели?

Он загромыхал обоими кулаками, громко, настойчиво, требовательно. Так, что заскрипели доски.

Почти сразу мужской голос тихо спросил:

— Германцы?

Пристав возмутился. Совершенно искренне.

— А вы тут германцев ждёте! Никак дождаться не можете! — заорал он. С силой толкнул дверь. Та едва с петель не слетела. — Открывайте немедленно! Полиция!

Послышался скрип засова. Пристав ворвался в сени. От него испуганно шарахнулся невзрачный мужичонка, похоже, хозяин дома.

— Кто такие? — резко спросил Сас. — Отвечать!

— Да я... — мужик растерянно моргал.

В сенях пахло пылью, сушёными травами, застарелыми тряпками.

Пристав отстранил его рукой, шагнул в хату. На полах, прямо поверх цветастого покрывала, жались друг к другу женщина, скорее всего, жена хозяина, глубокий старик и с десяток детей. У грубки стояла девушка, наверное, старшая дочь. Все затихли, настороженно глядя на пристава.

— Кто хозяин? — резко спросил Тадей Назарович, положив руку на шашку.

— Я, — мужик настороженно протиснулся мимо пристава в хату. Поклонился, низко поклонился, испуганно. — Бакуны мы.

— Где сыновья, братья? — всё с тем же грозным видом спросил Сас.

— Так на фронте! — запричитала женщина, вскакивая с полов. — На войне ³³! Полгода уже, как забрали. Старший в Вильно ³⁴ служит, а второй за ним там же, на Балтыку ³⁵. А младшие вон сидят, возрастом не вышли.

Она кивнула в сторону детей.

— Polacy ³⁶? — спросил Сас, ухо которого резануло это «на Балтыку».

— Да вы что! — вскинулся старик. — Православные! — Подумал и добавил на перекрученном, натужном русском: — Малороссийского наречия!

Голос у него был густой, низкий, красивый. Говорил он, правда, излишне громко. Глуховат, наверное.

— Почему германцев ожидаете! — вновь развернулся к мужику Сас. — В чем дело? Отказываетесь служить государю-императору?

— Нет-нет, вашбродь! — замахал на него руками хозяин. — Да вы всё не так поняли! То просто я про выстрелы спросить хотел. Да не так сказал.

Ну да, как же!

— В село сегодня один господин пришёл, — сурово произнёс пристав. — Из городских. К вам?

— Из каких городских! — замотал головой мужик. — Не знаю никаких городских! Никого не ждём! Никто к нам прийти не мог!

Сас прогулялся по хате, заглядывая в углы. Ничего необычного. Простая селянская утварь. Не бедняки, вряд ли голодают, но и не зажиточные. Ни то, ни сё.

— Ты мне тут сказки не рассказывай! — гаркнул Сас. — Говори, кого ждали!

Бакун замотал головой, отступая.

— В глаза смотреть! — надвинулся на него пристав. — Ну! Кого!

Мужик закрестился.

— Нет, вашбродь, никого, никого не ждали! Не ходит к нам никто чужой!

Тадей Назарович сделал ещё шаг, нависнув над хозяином хаты.

³³ Хозяйка дома произносит слово «война» с польским ударением.

³⁴ Вильно — современный г. Вильнюс, Литва.

³⁵ Na Bałtyku (польск.) — на Балтийском море.

³⁶ Polacy? (польск.) — Поляки?

— Почему не выполнили приказ об эвакуации? — рывкнул так, что аж сам доволен остался. Есть ещё голос!

Мужик от испуга присел. Женщина отшатнулась.

— Что? — несмело спросил Бакун.

Ах, ну да, это слово их староста даже произнести не может. Откуда же им знать, что это такое?

— Почему не уехали, как предписано?

— Так... — растерянно проговорил хозяин и замолчал.

Вместо него в разговор встряла женщина:

— Перекусите, пан полицейский? А то с дороги, устали ведь!

Может они, конечно, и «православные малороссийского наречия», но вот хозяйка у них какие-то польские корни точно имеет. Ишь, «пан полицейский»!

Хозяйка взгляд Саса истолковала по-своему, метнулась в комору и стала поспешно носить на стол хлеб, сало, домашнюю колбасу, огурцы, лук. Похоже, не скупилась, выносила лучшее.

— Так почему, спрашиваю, не уехали? — повторил пристав сурово.

Не дай боже, решат, что от него можно откупиться угощением!

— А куда же мы без земли? — несмело проговорил мужик.

Пристав вздохнул. Опять да снова! Одна и та же история!

Женщина поставила бутыл с самогоном и крынку с молоком. Толстыми ломтями нарезала хлеб. Щедрой горкой насыпала на столешницу соль.

Ну вот, и эти о сухом законе не слышали!

— Да вы, пан полицейский, садитесь, садитесь! — хозяйка, несмело оглядываясь на пристава, уже наливала в стакан мутную жидкость.

Вот бы арестовать их всех! Сас на мгновение представил, как он возвращается в Володимир со связанными Цехошем и Бакуном в подводе, а потом бежит по железнодорожной станции, среди толп солдат и эвакуирующихся, среди ящиков с припасами, среди матерящихся железнодорожников, требуя, чтобы арестованных посадили на состав, который доставит их к прокурору. А в чём обвиняют этих двух? В шпионаже? Подрывной деятельности? Агитации в пользу противника? Да нет, у них самогон был обнаружен...

Смешно!

— Некогда мне рассиживаться! — бросил Тадей Назарович тем же сердитым тоном, всё же устраиваясь на табурете.

Положил на скибку хлеба кусок сала, покосился на колбасу, но трогать не стал — этим людям ведь тоже что-то есть нужно. Посмотрел на самогон, всё ещё колеблясь. Потом решительно хлопнул в один глоток сразу полстакана. По телу разлилось приятное тепло. Крякнул, подсмотренным где-то жестом прикрутил ус и принялся жевать хлеб с салом. В животе заурчало, но уже по-другому, удовлетворённо.

Хозяин несмело пристроился рядом, на осличике.

— А как же предписание? — поднял на него строгий взгляд Сас. — Ведь надлежит покинуть!

— Что мы среди чужих людей делать будем? В батраки идти? С голоду помирать? — мужик оглянулся. — Так ведь, батьку?

— Так! — старик заворочался на полах, слез на дол, подошёл, пристроился рядом с сыном.

— Австриец придёт, не обрадуетесь! — покачал головой пристав.

Хозяин налил себе и отцу. Женщина, сразу поняв, что гроза миновала, вышла из хаты и завоzilась в сених. Даже дети стали потихоньку, несмело шушукаться.

— Насмотрелись мы на тех, кто со своей земли ушёл, — сказал мужик. — Аж сердце разрывалось.

Сас поднял стакан, замер, дожидаясь, пока мужики с ним чокнутся.

— За здоровье ваше и детей ваших! И тех, что тут, и тех, что воюют!

Они выпили.

— Он, германец, ведь с православными знаете, что вытворяет! — продолжил пристав. Повторять вычитанное в газетах он не хотел, не верил, но и уступать считал неправильным.

— А что же делать! — старик вздохнул. — Капусту, картошку, буряк³⁷ там всякий ещё совсем рано копать, пропадут, если мы уйдём. Пшеницу скоро убирать надо будет. Что ж мы, хлеб на земле бросим?

— Хлеб весь, что нельзя вывезти, предписано сжигать, не оставлять захватчикам, — сурово произнёс Сас, не глядя на селян.

Это кто ж такое придумал! Небось какой-нибудь щёголь в Санкт-Петербурге. Из тех, что и представить себе не может, что утром к столу не подадут шампанского и ветчины.

— Скот тоже не отдавать, — уверенно добавил пристав. И, перейдя на великорусское наречие, изрёк: — «Победить врага, как наши предки Наполеона победили! Всем Отечеством!»

Отец и сын переглянулись. Промолчали.

— Чужаки у вас в селе часто появляются? — спросил пристав.

— Чужаки? — недоуменно переспросил мужик. — С других сёл?

— Нет, совсем незнакомые. Городские.

— До войны много людей было, — неуверенно произнёс старик. — К Цехошу приезжали, к святому источнику богомолы, к чудотворной иконе. А сейчас никого нет. Опасно ныне ездить. Да и незачем, у всех своих бед хватает!

Его сын, едва дождавшись, пока отец закончит, немедленно спросил:

— Так это чужак, что ли, стрельбу устроил? А чего он в село пришёл? Чего хотел?

— Лазутчик, — веско сказал Сас. — Кавалерийский разъезд наткнулся.

Мужчины удивлённо кивнули.

— А к кому приходил?

Пристав пожал плечами.

— А вы как думаете? К кому он мог прийти?

— Да кто же в селе остался! — хозяин вновь оглянулся на отца. — Староста да батюшка. Ну не к ним же!

Тадей Назарович вздохнул. Дожеввал свой хлеб, поднялся.

— Ну, благодарю за угощение, — сказал он.

Подошёл к двери. Обернулся.

— А подвода у вас есть?

³⁷ Буряк (укр.) — свёкла.

— Откуда! — замахал руками мужик. — Всё, что было, в армию забрали! Уже давно!
— Ну, тогда я в сарае посмотрю, — кивнул Сас. — И по двору пройду.
— Так ведь без подводы нельзя! — вскинулся хозяин. — Что нам без подводы делать?
— У меня предписание на мобилизацию, — посуровел пристав. — А вы себе новую
сколотите, долго ли!

— Да вы что, вашбродь! — Бакун растерянно посмотрел на отца. — Смилуйтесь! Доски я, положим, найду. И голобли³⁸... Ну, что-нибудь придумаю... А колёса? А поворотный круг? Как я их без мастера сделаю? Как насажу? Нашего кузнеца в войско забрали, а у соседей... Есть там ещё кто по железу или нет, я даже и не знаю. Да и как по нынешним дорогам туда идти? Как потом тащить всё это обратно? На себе? Заберёте, вашбродь, воз — всё равно что без ножа зарежете!

Тадей Назарович рассержено надвинулся на мужика, и тот попятился. Не забыл ещё, как пристав ворвался в хату.

— Ты что же, до соседнего села дойти боишься! — зашипел Сас. — А что армия без снарядов и патронов останется, не боишься! Солдаты без еды! Лошади без фуража! Раненые без лекарств! Этого ты не боишься!

Ну почему нужно постоянно орать, грозить, стыдить, едва не рукоприкладствовать!

— Так ведь... — бормотал хозяин, — я... А если нет там уже кузнеца? Если в войско его уже?

— Ничего не хочу знать!

А если при эвакуации Сасов кто-нибудь вот так же явится к нему с Ляной на какой-нибудь маленькой железнодорожной станции? И потребует сгрузить вещи и сойти самим? А почему нет? Это место нужно военным! Они кровь за вас, господин пристав, проливают! Разве вы боитесь подождать следующего состава? И плевать, что пять детей, что остановка незнакомая, что вещей много, а будет ли следующий поезд неизвестно...

Ситуация эта при всей своей несопоставимости, невероятности и даже абсурдности встала перед глазами Саса настолько реально, что он даже запах паровозной гари почувствовал. Сердце кольнуло.

— Нужны подводы, — сказал он, понизив голос, будто выдавал тайну, — не обязательно с твоего двора, а вообще с села, но нужны без всяких разговоров!

Бакун оглянулся на отца.

— Может... — нерешительно пробормотал. — Разве что у Федорчуков...

Старик, подобрав губы, недовольно кивнул.

— Федорчуки, когда уходили, вроде, оставили, — уже смелее заговорил хозяин. — У них только одна лошадь. Два гружёных воза всё равно не вытянула бы.

— Уже хорошо, — одобрительно крикнул Сас. — А ещё? Нужно ещё.

— У тех, кто остался... — покачал головой мужик. — Ни у кого из них по две подводы нет. А те, что ушли, всё с собой забрали.

— А где Федорчуков хата? — уже более миролюбиво спросил Тадей Назарович.

— На краю села, — махнул в нужную сторону хозяин. — Только подвода эта поломанная. Федорчуки её не чинили, всё равно уходить. Там ничего страшного, только настил набить новый. Я с ребятами прямо сейчас сделаю!

³⁸ Голобля (диал.) — оглобля.

— Через час жду подводу, — сурово отчеканил Тадей Назарович. — К дому старосты прикатите! — хотел было выйти, но снова обернулся: — Вы бы вещи всё же в узлы связали! Казаки прискачут, времени на сборы не будет — спалют всё без лишних разговоров!

5.

Перед хатой старосты, с.Будятичи.

— Он пришёл помолиться перед чудотворной иконой Божьей Матери, — задумчиво, медленно сказал отец Григорий, сравнительно молодой мужчина, лет тридцати, не больше. Говорил батюшка на очень правильном русском языке, хоть и вставлял в речь малороссийские словечки — всё-таки жил в глухом волынском селе. — Попросил у меня благословения. Мы побеседовали, и я ушёл. Моя попадьа сердится, когда обед стынет, — и он слегка, с ноткой грусти улыбнулся.

— Что рассказывал? — спросил Смирнов, нетерпеливо поглядывая в сторону, откуда должны были появиться его рядовые.

Рядом стояли Сас, Михайлишин и Гасюк. Мобилизационная тройка тоже не могла уехать, пока Бакуны не отремонтируют обещанный воз, их единственный трофей в Будятичах.

Позади заколачивал досками крест-накрест ставни Цехош. Окон в хате было всего два, много времени это занять не могло, но староста всё перебирал гвозди, к чему-то примерялся, о чём-то размышлял, ходил туда-сюда. Пристав подозревал, что Мирон Никифорович просто подслушивает.

— Что рассказывал? — переспросил священник. Было видно, что батюшка думает о чём-то своём, и ему нужно делать усилие над собой, чтобы не отвлекаться. — В этот раз ничего. Мы немного поговорили о здоровье, у него чахотка обострилась...

— В этот раз? — изумлённо протянул Смирнов. — Что значит «в этот раз»?! Он что же, раньше здесь бывал?

— Бывал, — кивнул поп. — Говорил, родня у него где-то тут. Ну как родня, седьмая вода на киселе...

— И... — поручик быстро оглянулся на Саса. — И часто бывал?

Пристава вело, думать было трудно. Мир вокруг мелко дрожал, все ощущения притупились. Тадей Назарович был уверен, что не сможет нормально говорить. Да и ходить ровно вряд ли. Два стакана, да не водки, а самогона! На голодный желудок, почти без закуски! На жаре!

— Часто ли? — покачал головой батюшка. — Несколько раз. Помню, снег лежал... И на жнива³⁹... Наверное, раза три-четыре в год. До войны, правда. Потом, понятно, как отрезало, и с прошлого лета я его не видел. А тут вдруг снова появился!

Смирнов поморщился.

— Так ведь он из Сокаля, из Австрии! Как он мог появляться так часто!

Отец Григорий развёл руками.

А как контрабандисты до войны каждый день туда-сюда шастали? Граница, документы, разрешения — это ведь только для законопослушных, тех, кто через посты едет. А для тех, кто не

³⁹ На жнива (укр.) — во время жатвы, в период уборки урожая.

боится несколько вёрст пешком пройти — какие границы! Будь осторожен, не наглей, не засиживайся на чужой территории — вот и весь секрет!

Местные контрабандисты, конечно, производили гораздо более жалкое впечатление, чем убитый. А что они могли носить через границу? Нитки да иголки? Если человек согласен ради нескольких копеек идти на такой риск, значит, живёт на грани нищенства, едва с голоду не помирает...

Так что, убитый занимался контрабандой? К дальней родне, чтобы проведать, так часто не ходят. Даже если живут в соседних сёлах. А уж если нужно границу пересекать...

И что можно сбуть или купить в Будятичах? Мешок буряка?

А если этот человек ходил сюда вполне законно? Железнодорожники пересекали границу запросто. Сокаль, правда, тупик на австрийской дороге, к русской не присоединён...

Коммерсанты тоже разрешения получали сравнительно легко. Но тот человек на служащего конторы уж никак похож не был.

Кто ещё до войны мог часто ездить через границу?

Тадей Назарович напрягался, пытаясь думать, но сосредоточиться никак не получалось.

— Как-то он сказал, что бумаги с собой несёт, — продолжил батюшка после недолгого молчания, когда он в который раз смотрел вдаль, погруженный в собственные мысли. — Сказал это в храме, так что, уверен, не соврал. Вообще, набожный был человек, православный. Я его спрашиваю, это что, документы какие-то? А он усмехнулся и ответил: нечто среднее между документами и фотокарточками. Ну, я понял, что он в эту тему углубляться не хочет, да и не стал допытываться...

— Фотокарточками? — переспросил Сас.

Язык казался слишком большим, и пристав из-за этого говорил преувеличенно чётко, медленно.

Поп удивлённо на него посмотрел. Похоже, успел подзабыть, как они с Сасом пили тут по вечерам, пока полицейский в засаде на брата Цехоша сидел.

— Так этот человек, ваше благородие, выразился, — всё же ответил священник.

— А «среднее между документами и фотокарточками» — это что? — спросил Гасюк.

— А это, друг мой, — хмыкнул Михайлишин, — паспорт. И документ, и фотокарточка. Или газета. Или денежная купюра. Или дело, заведённое на вас в полиции. В него тоже снимок клеят.

— Да ну вас! — отмахнулся Юстин Атанасович.

— Или карта местности, — в задумчивости пробормотал Смирнов. — Съёмка с аэропланов...

— Или ещё вот такой рецепт, — не унимался Михайлишин, — порубить в мелкие кусочки какие-нибудь официальные бумаги и фотокарточки, перемешать...

— Господин прапорщик! — одёрнул его Смирнов. Было видно, что поручику было неприятно легкомыслие Михайлишина, да ещё и в разговоре со священником.

Прапорщик пожал плечами, но замолчал.

Отец Григорий будто и не заметил произошедшего. Стоял, задумчиво глядя куда-то вдаль.

Его молчание почему-то создавало ощущение неловкости, конфуза. Будто все они занимались чем-то не тем, а вот пришёл он, стоит, ничего не говорит, и само его присутствие служит немым укором.

Потом батюшка вздохнул и пробормотал, ни к кому не обращаясь:

— Пушки сегодня громкие...

— Таран Макензена ⁴⁰, — кивнул Смирнов. — Скоро немчуря прорвёт фронт.

На несколько секунд повисла новая пауза. Потом поп спросил:

— Отдадут уезд германцам?

Поручик напрягся, лицо стало решительным, он явно хотел сказать что-то бравурное, уверенное, победное, но промолчал. Отвёл взгляд, не позволяя себе даже вздохнуть.

— Эх, какие худые времена настали, — пробормотал священник. — Думал ли я когда-нибудь, что по этому селу из пушек палить будут, что на этой самой площади, перед храмом будут стрелять... А ведь это только начало. Дальше только страшнее будет.

Все затихли. Батюшка был, несомненно, прав, но жить, думая о войне, о том, что она уже принесла с собой и что ещё принесёт, было невыносимо. Гораздо проще говорить о подводах и кавалерийских разъездах. Даже о перестрелке и убийстве непонятого человека говорить проще.

— «И они кусали языки свои от страдания» ⁴¹, — развёл руками священник. — Ну, да сладится всё милостью божьей! Благослови вас господь! — перекрестил всех скопом и пошёл к храму.

Все глядели ему вслед. Даже Цехош перестал суетиться.

Отец Григорий медленно шёл через площадь, и от его одинокой фигуры посреди казавшегося сейчас огромным пространства веяло грустью. Появилось ощущение обречённости, неизбежности страданий и горя, ощущение неприятное, тяжёлое.

— М-да, — пробормотал Мирон Никифорович, подходя. Потом повернулся и махнул рукой в сторону своей хаты. — Ведь всего четыре доски надо прибить, а не могу. Будто гроб заколачиваю.

Прапорщик ухмыльнулся.

— Это с какой стороны смотреть. С этой — так ты просто стёкла бережёшь, чтобы новые не вставлять, когда вернёшься. Ну, а бабка моя говорила, что так ты нечисть в хату не впускаешь.

Староста покачал головой, вздохнул и молча ушёл к себе.

— Гроб? — не унимался Михайлишин, разглядывая хату. — Где он тут гроб углядел? На гроб не похоже.

— Окна — это глаза дома, Роман Тарасович, — сказал Гасюк мрачно. — Недаром слова схожи — «окно» и «око». Заколотил — как глаза покойнику закрыл.

— Вы, господин почтовый, это прекратите! — Смирнов махнул на Юстина Атанасовича рукой. — И так тошно!

— А вот вы скажите, Сергей Николаевич, — продолжал Гасюк, всё же меняя тему, — отчего союзники нам не помогают? В прошлом году мы немецкие войска отвлекали, в Восточную Пруссию вторглись, спасли Францию, позволив ей одержать победу на Марне...

— Ну, ну! — перебил его Михайлишин, нимало не беспокоясь, что вопрос был обращён к другому человеку. — Ведь и так понятно, что у нас тогда другого выхода не было. Если дать германцам разгромить Францию, то можно вдруг обнаружить себя на континенте один-на-один с Тройственным Союзом. Да и положение в то время уж очень для нас выгодное сложилось. Только мы всё, как всегда, в трубу пустили.

⁴⁰ Таран Макензена — невероятное по тем временам сосредоточение артиллерийского огня и войск на узком участке фронта, продемонстрированное войсками немецкого генерала Августа фон Макензена в ходе Горлицкого прорыва.

⁴¹ Откровение святого Иоанна Богослова 16:10.

Лицо Смирнова напряглось, но до того, как поручик успел что-либо сказать, его снова опередили. На этот раз сам Гасюк:

— А наш захват Галиции? Германия именно после этого поняла, что из австрияк солдат никакой, и снова стала снимать корпуса с Западного фронта!

— Да что вы всё о нас! — посмеиваясь, тут же парировал прапорщик. — Мы, как вы верно заметили, за это Галицию с Буковиной получили. Ну и утратили вскорости, не без этого. Вы же, Юстин Атанасович, задали вопрос не о том, помогаем ли мы союзникам. Вопрос в том, помогают ли они нам! Нас громят, у нас Великое отступление, а французы с англичанами всё в игрушки играют, в окопах сидят, ждут чего-то. Уж два месяца, как Италия перешла на нашу сторону, а где сокрушительные удары в подбрюшье немецкое? Что происходит? Что за Антанта у нас такая!

И поскольку вопрос этот, вообще-то, изначально адресовался Смирнову, оба повернулись к поручику.

— Вы что же, господа, ожидаете, что я союзников защищать буду? — рассмеялся Сергей Николаевич. — Ясно ведь, что пользы от них — никакой!

— Ну, какая-то польза всё же есть! — рассмеялся Михайлишин. — Худо-бедно миллион или два германцев воюют с ними, а не с нами. И снаряды с пушками союзники нам поставляют, хоть им и самим не хватает. Мы же со столь характерными для нас расторопностью, распорядительностью и личным альтруизмом везём всё это прямоком на фронт! А заодно и то, что производит собственная наша держава — те же пушки со снарядами, винтовки с патронами, шашки со штыками, шинели с сапогами! Всё на фронт!

— Ёрничаете, господин прапорщик? — хмыкнул кавалерист.

— Я бы назвал сей способ выражать мысли сарказмом, — развёл руками Роман Тарасович. — Лучший способ жить среди бардака — смеяться над ним! Я ведь как обозный ничего от этого снабженческого обилия на собственном складе не наблюдаю. Видно, мой батальон по ошибке в списки не попал!

— Не только ваш! — кивнул поручик. — Наш эскадрон тоже позабыли! Слышали, в корпусах отдают приказ не расходовать более десяти снарядов в день на артиллерийское орудие? А кое-где — не более пяти! Как громить неприятеля, если можно делать один выстрел раз в пять часов? Или когда новые снаряды не подвозят четвёртый месяц подряд? Или когда на передовую приходит четырнадцать тысяч человек подкрепления, и все как один без единой винтовки? Германец железом ведёт войну, а мы кровью...

Тут в хате что-то загремело. Судя по звуку, Цехош обронил на пол миски.

— О, наш хозяин порядок наводит! — Михайлишин с интересом оглянулся, едва не подпрыгнул от избытка энергии и побежал в дом. — Пойду, посмотрю.

Поручик достал пачку папирос, предложил полицейскому и почтальону. У Гасюка были свои, хотя и не столь дорогие. Сас отказался.

— А что дал обыск трупа? — спросил пристав, сделав усилие, чтобы выговорить всё с первого раза. — Нашли что-нибудь?

— Да я, собственно, вам уже всё рассказал, — пожал плечами Смирнов, доставая документы из нагрудного кармана. — Видите, он был подданным Австро-Венгрии, жителем Сокаля. Мы из его города отступили несколько дней назад. Если он беженец, то почему до последнего ждал, почему сразу, как началась эвакуация, не ушёл?

— Может, не верил, что его селение сдадут, — пробормотал Гасюк. — Сокаль — не Володимир, там сплошной эвакуации не объявляли. А принудительному переселению он не подлежал по возрасту.

— Даже если убежал он только в день захвата, — нетерпеливо дёрнул головой поручик, — где он был четыре дня? Какой же он беженец? Четыре дня назад был бы беженец! Даже три дня

назад! Но не сейчас же! Сюда от Сокаля тридцать вёрст по плохой дороге и тридцать пять по хорошей — в любом случае, утром вышел, вечером уже в Будятичах! Где его четыре дня носило?

— Вернулись австрийцы, — спокойно ответил Гасюк, — начали свои порядки наводить. Тут он и понял, что зря не ушёл. Как только выдалась возможность, побежал на нашу сторону...

Смирнов метнул на почтальона разгневанный взгляд.

— Говорите, через траншеи пошёл? Под огнём с обеих сторон? Через зоны артиллерийского обстрела, траншеи в три линии и колючую проволоку?

Юстина Атанасовича было нелегко смутить. Казалось бы, гражданский! Чего спорить с военным в прифронтовой зоне! Когда рядом, на передовой, солдат тысячами убивают! Когда отступление идёт! Когда все на взводе! Молчи! Нет же, своё хочет доказать!

— Как раз бои и не позволяли уйти сразу. Пришлось ждать хоть какого-то затишья!

Сас покачал головой. Доспорится почтовый, ох, доспорится!

Полицейский стал рассматривать бумаги, что дал ему Смирнов. Сверху лежала книжечка подорожной. Видно, что хранили её очень аккуратно, но избежать сгибов уголков и нескольких небольших потёртостей всё же не удалось. Именно так и должен выглядеть подобный документ у рабочего. Если бы австрийские власти изготовили подорожную специально для своего лазутчика, скорее всего, перестарались бы, потрепали, загрязнили больше необходимого. А так, всё в меру. Очень похоже на документ, хранившийся у человека, который им дорожил.

Рассматривать книжечку в деталях было трудно. Буквы перед глазами расплывались.

И зачем нужно было пить второй стакан!

На внутренней странице обложки — фотокарточка, плохая, некачественная. Да ещё и лицо взято не крупно. То, что можно разглядеть, вполне может подойти любому мужчине нужного возраста. Опять-таки для лазутчика, чтобы не подвергать его при проверке лишним сомнениям, сделали бы хорошую фотографию.

Рядом место для ещё одного снимка, пустующее.

Стоит овальная печать. Как и положено, длинной осью вертикально. Правый край снимка делит её пополам.

Пока, вроде, всё правильно.

Сказать, что Сас видел много австрийских подорожных, было нельзя. Но всё же видел, и теперь силится вспомнить, что и как там располагалось. Чувство опьянения сильно мешало.

Внизу страницы стоял штамп с датой от руки и подписью. Подорожную выдали в декабре 1913 года. Ну, то был благополучный, мирный год. Почему бы и не выдать?

Чуть повыше, перекрывая, был проставлен ещё один штамп. Теперь уже русский. Более свежий. И цвет чернил другой.

Во Львове, в канцелярии военного генерал-губернатора гражданским выдавали удостоверения. Мужчинам призывного возраста согласно приказу главнокомандующего полагались ещё и пропуска в Волынскую губернию. Однако в мелких городках, особенно при поспешном отступлении, могли просто проштамповать австрийскую подорожную, да, собственно, просто чистый лист бумаги, и с таким документом отправить в эвакуацию!

Русский штамп пересекала дата — 20 июня 1915 года. И размашистая подпись.

Пока всё сходится.

Номер на первой странице подорожной не заполнен. Хорошая деталь. Будь это специально сделанный для лазутчика документ, всё было бы проставлено очень точно.

Литера "F". Бог его знает, что она означает.

Дальше текст. Сас знал немецкий плохо, в гимназии с трудом переходил из класса в класс, но догадывался, что написанное означало, что подорожная выдана именем Его Величества Франца Иосифа I, императора Австрии и апостольского короля Венгрии.

Убитого звали Ярославом Катеринчуком. Был он рабочим. Проживал в городе Сокале Королевства Галиции и Лодомерии. Родился в 1862 году. Принадлежал к православной вере.

Описание телосложения, общего вида, волос, глаз, рта и носа, вроде, совпадали с действительностью. В качестве особой приметы был указан «большой шрам» на правой руке, повыше запястья. Теперь уже не проверишь, тело похоронили...

Ещё ниже была видна личная подпись Катеринчука. Вполне разборчивый почерк. Не слишком красивый, но и не крестик.

Документ выдали на один год для поездок во Львов к сыну.

Ну что, с такой бумагой Катеринчук прошёл бы любую проверку. Большинство беженцев и таких документов не имеет. Да и не спрашивает никто у беженцев документов!

У этого рабочего, к тому же, наверняка к подорожной прилагалась соответствующая история. Жил в Сокале, подтвердил свой документ у русских, в какой-то мере выразив тем самым признание власти государя над собой. Теперь, когда его город вновь захвачен австрийцами, ушёл на восток. Почему не остался в родной Австро-Венгрии? Потому что православный и хочет жить в православной державе, с единоплеменниками. Почему без жены и детей? Так вдовец он. А дети уже взрослые. Почему без вещей? Ну, большую часть имущества пришлось бросить, а что успел забрать, в чемоданчик поместилось. Почему пошёл в Будятичи? Родственники у него тут, пусть и дальние...

Чем не история?

Из дома вышел Михайлишин. Он приглаживал усы и улыбался. В руке сжимал надкусанный огурец.

— Ну, жена, конечно, на старосте живого места не оставит. Пара мисок вдребезги!

— Курить будете, Роман Тарасович? — Смирнов протянул прапорщику пачку папирос.

— Благодарю, Сергей Николаевич, но я так и не выучился, — пожал плечами Михайлишин.
— Всё боялся, заругают!

Все вежливо улыбнулись.

Кроме подорожной, у убитого с собой было ещё две бумаги. Обе — от русских военных властей Сокаля. В квартире господина Я.А.Катеринчука будут проживать два офицера. Дальше шли фамилии. Ни одна из них Сасу знакома не была. Перед каждой значилось звание — прапорщик. В другой, четырьмя месяцами позже, извещалось, что вместо выбывших постояльцев придут другие. И вновь обе фамилии незнакомые. Только теперь это были унтер-офицеры.

Ну что же, на месте Катеринчука Сас тоже бы носил при себе такие документы.

— У него не было ни одного личного письма, — сказал поручик. — Если он оставил родной дом, стал беженцем, почему не захватил с собой фотографий семьи? Где весточки от сына, того самого, к которому он намеревался с этой подорожной ездить? Наверняка ведь младшего Катеринчука ещё в начале войны призвали в австрийскую армию. Неужели бы отец не хранил письма сына с фронта?

— Возможно, это всё лежит в его чемодане, — пожал плечами пристав.

— Возможно, — согласился Смирнов. — Только где этот самый чемодан? — кавалерист бросил окурок на землю и направился в хату Цехоша. — Воды глотну. Пить хочется.

Гасюк подошёл ближе к Тадею Назаровичу и Михайлишину.

— Странная история с этим Катеринчуком, — пробормотал почтовый, понизив голос. — Похоже, пристрелили кавалеристы безвинного мирного беженца. Убили человека фактически!

Сас пожал плечами.

Юстин Атанасович отбросил сигаретку, и от неё при ударе о землю полетели в стороны искры.

— Вот верно сказали: мы ведём войну кровью, — продолжал Гасюк мрачно. — Жизнь человека теперь не стоит и копейки. На самом деле, не для фигуры речи, ни черта она не стоит! Миллионы гибнут... Ни за что гибнут миллионы живых людей... Убиваем чужих, убиваем своих...

— Как вас, однако, эта история впечатлила! — ухмыльнулся Михайлишин.

Почтальон посмотрел на него своим странным взглядом.

— Пройдёт война, — говорил Юстин Атанасович с таким видом, будто рыл могилу, — кто будет считаться победителем, кто-то — побеждённым. Сместятся границы. Заплатят и получат контрибуции. И что? Стоят ли жизнь и смерть так дёшево, чтобы обменивать их на всё это? Что за радость быть частью выигравшей войну страны, если ты, лично ты, лишишься дома, имущества, здоровья, ноги, жизни?

У Саса кольнуло в сердце. Перед глазами встала Ляна. И тут же вспомнился Серёжа, ещё маленький, с круглыми от безмерного счастья глазами, когда ему вручили леденцового петушка на палочке. А если убьют Серёжу?

Сас едва не застонал в голос. О таком не хотелось не то, что думать, но даже впускать такое в голову! И на мгновение впускать!

Прав письмоносец. Хоть и отдают его речи пораженчеством.

Хорошо слушать звуки военных маршей и читать вести с фронта, когда до этого самого фронта сотни вёрст! Когда кто-то там погиб, у кого-то разрушило дом, кого-то отравили хлором, но всё это лишь строчки в газете, а ты, как всегда, купишь пирожных за углом или сходишь вечером в театр! А вот как жить, осознавая, что снаряд может взорваться не где-нибудь, а в твоём собственном доме? И пуля в сердце может прилететь к тебе? Или Ляне? Или кому-то из детей? Что туман на улице может оказаться хлором? Уже завтра? Или даже сегодня! Следующий снаряд, следующая пуля, следующий порыв ветра...

Пристава снова передёрнуло.

— Да вы философ, господин почтовый, — сказал, выходя из дома Цехоша, Смирнов. — Только мысли эти пустые. Не в ваших силах что-либо изменить. В ваших силах только не уронить свою честь. Вот об этом и думайте!

— Честь... — мрачно проскрипел Гасюк. — Это вы правильно сказали. Честь. У нас, почтовых... У военных... Только в чём она сейчас, честь? Позволить себя убить? Или убить самому? И позволительно ли убивать? И когда позволительно убивать? Только лишь когда на тебя прыгает ганс со штыком? Или позволительно убивать и для того, чтобы государь Босфор забрал? Чтобы контрибуцию ему в имперскую казну заплатили? А если позволительно, то чем это отличается от совершённого студентом Раскольниковым?

Сас невольно напрягся. В иные времена за такие речи он бы без разговоров потащил смутьяна в каталажку. Ишь до чего договорился! Государя-императора с убийцей старух сравнил!

— Есть одна партия, подпольная, — проговорил Михайлишин, улыбаясь, будто рассказывал анекдот. — Какая-то разновидность социалистов, но террором не балуются. Так вот, они считают, что для светлого будущего России наша империя должна эту войну проиграть.

Поручик хмыкнул и покачал головой.

Пристав промолчал, хотя и знал о так называемых большевиках из циркулярных писем. К счастью, в повете этой заразы, вроде, никогда не было. Хотя... В Володимире тысячи

ремесленников и рабочих — железнодорожная станция, электростанция, сахарные заводики, мастерские. Если кто додумается агитацию устроить...

Впрочем, нет уже в городе никаких тысяч. Все эвакуированы. Пустой город...

Тут где-то вдалеке грохнуло особенно громко. Даже не громко — оглушительно!

От такого звука все даже присели.

— Так близко? — не веря себе, ошарашенно спросил пристав.

Было впечатление, что артиллерийский снаряд взорвался здесь же, в селе.

— Наверное, в склад с боеприпасами попали, — пробормотал Смирнов.

Все замерли, прислушиваясь. Канопада продолжалась, но столь громких взрывов больше не было.

Гнев, вспыхнувший было в груди после слов Гасюка, развеялся. Были более насущные проблемы, чем разговоры наглого юнца о царе-батюшке!

— Куда всё катится! — лишь буркнул Тадей Назарович.

Мир, в котором он жил, как теперь выясняется, хорошо жил, рушился. И возврата в него не было. Что угодно делай, а так, как было, уже никогда не будет...

— Мне нужно туда! — сказал поручик, глядя на сторону канопады. — Ну, где эти дармоеды!

Он оглянулся на площадь, будто мог ускорить появление пропавших кавалеристов.

Сас попытался вспомнить, как текли его дни прошлым летом, всего год назад, до всего этого. Перед глазами встал залитый ярким солнечным светом участок. Полы подметены. Городовой что-то втолковывает очередному пьяному дебоширу. У того лицо тупое, бессмысленное, под глазом синяк. На столе ворох бумаг. Какие-то срочные, и за них нужно браться немедленно, иначе исправник разъярится. Другие могут полежать ещё несколько дней. Или недель. Ничего с ними не станется. Чашка с яркими красными цветами на боку парит горячим чаем. Блюдечка нет, разбилось ещё во времена, когда Тадей Назарович только-только стал приставом. Прямо на столешнице лежит головка сахара, от которой ножом нужно откалывать кусочки поменьше. Рядом тарелка со строгим синим кольцом по ободку. На ней колбаса и грубо нарезанные куски хлеба. Это даже не перекус, а так, чтобы чай зря не пить...

Эта вполне обыденная, ничем не примечательная картина казалась сейчас Сасу чем-то вроде рая. Всех забот — заполнить вовремя три бумажки да наорать на пьяницу. А дома ждут дети и Ляна. Уроки проверить, с женой поговорить, вечером к знакомым на званый ужин сходить. Даже не верится, что так было! Совсем недавно было! Эх, понимать бы счастье, когда оно рядом!

В глазах Тадея Назаровича засквозила тоска. Усы обвисли.

— Сидит сейчас где-то в окопе какой-нибудь тевтонец, — говорил тем временем Михайлишин, — и думает, что завтра-послезавтра придётся ему идти в атаку, брать город, о котором он никогда не слышал, какой-то Wladimir... — он произнёс это название как «Флядимиа», и все невольно улыбнулись. — Думает, что русские, конечно, давно отвели свои батареи с линии артогня и жажнут из них, едва только он, бедный Ганс, выберется из траншеи...

— Хорошо, если он так думает, — не меняя ни своего мрачного тона, ни похоронного выражения лица Гасюк. — Плохо, если видится всё это ему лёгкой прогулкой — снаряды уже всю землю перепахали, войска сбежали, город пуст...

— Да неважно, милостивые государи, совершенно неважно, что он думает! — вдруг рассердился Смирнов. — Потому что нет у него выбора. Есть приказ. Так что всё равно вылезет из своего окопа и побежит в атаку, брать ваш город!

— И возьмёт, — добавил почтальон.

— Ну почему обязательно возьмёт? — сказал Сас без уверенности в голосе.

— Вот в том и состоит честь, милостивый государь, — повернулся к Юстину Атанасовичу поручик, — чтобы, всё зная, всё понимая, умереть, но исполнить свой долг!

Сказал Смирнов это без апломба, так, будто были то его собственные, выстраданные, слова, плод тяжёлых размышлений.

Пристав с некоторым удивлением взглянул на кавалериста. Нет, сама мысль была понятной и очевидной, её аршинными буквами печатали чуть ли не каждый день все газеты. Полицейского поразило не то, что сказал поручик, а то, как она это сказал.

Воцарилось молчание.

— Пойду и я огурец возьму, — наконец, сказал Гасюк.

Отбросил недокурок и скрылся за дверью хаты Цехоша.

И вот тут из-за угла церкви показались кавалеристы. Шли они не торопясь, о чём-то переговариваясь.

— Вы только посмотрите на них! — с внезапной яростью воскликнул Смирнов, оглядываясь на лошадей у коновязи. — Небось, угостились у кого-то из оставшихся селян самогоном! Как вальяжно идут...!

И тут из хаты Цехоша донёлся громкий душераздирающий крик. Был этот крик настолько пронзительным, что у Саса даже всё сжалось внутри. В этом вопле звучали ужас и боль, неподдельные, первородные, страшные.

Все разом повернулись.

— Что это...? — растерянно спросил Михайлишин.

Сас, опыт которого подсказывал, что это, ринулся вперёд.

Дверь перед ним распахнулась сама. В проёме показалась спина Гасюка. Почтальон пятился, быстро, мелко крестясь...